

ИВ. ЕВДОКИМОВ

ПОСЛЕДНЯЯ БАБУШКА ИЗ СЕМИГОРЬЯ

КОМЕДИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

РЕЖИССЕРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Ю.А. ЮРЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1984

Репертуар Московского Государственного
Академического
Малого театра

Набор тип. газ. „Правда“ Москва ул. Горького, 48.

Отпеч. в тип. „Крестьян. газ.“ Москва, Суццеская, 21.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Переходов, Василий Васильевич, колхозник, лет 60.

Федосья Митрофановна, его жена, в таком же возрасте.

Иван, сын, лет 30.

Марья, сноха, лет 30.

Аленушка, дочь-меньшуха, лет 22.

Колька, внучек, лет 12—13.

Скрипицын, Петр, сосед-колхозник, лет 27.

Орина, его жена, лет 25.

Ружейников, Михаил, колхозный бригадир, лет 28.

Ефим Булавин, баянист, колхозник, лет 27.

Костычев Егор, секретарь сельсовета, лет 40.

Хозяинов, Федор Иванович, председатель Семигорского колхоза, лет 45.

Маркелов, начальник политотдела при Семигорской МТС, лет 35.

Колхозники, колхозницы, старые и молодые, ребятишки.

Действие происходит в РСФСР.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

От рампы поперек сцены узкий лужок. Глубже — задворки. Плетень делит сцену на две части. Задворки засажены деревьями и кустами. В одном углу сруб колодца. Рядом с ним стоит ведро. В другом углу лежит обрубок дерева. Задний план замыкают избы соседей Переходова и Скрипицына. Под двухскатной крышей дворов слуховые оконца. Видны два боковых крыльца. Старик Переходов сидит пригрюнившись на обрубке дерева. Старик лениво курит. В слуховом оконце появляется Федосья, всматривается и качает головой.

Федосья. Старик, я ровно бы тебя за водой послала?

Василий. За водой.

Федосья. А ты...

Василий. А я не понесу! Я цыгарку запалил. *(Поворачивается к жене и нарочно пускает дым.)* Во, гляди, старая!

Федосья сердито скрылась.

Василий *(разглядывая цыгарку и швыряя ее)*. Э-эх, трубокур! *(Закрывает лицо руками.)*

Входит Федосья. Сердито сделала «руки в боки».

Федосья. Ты это что по-дурацки делаешь? Поросята чьи? Поросятам пошло надобно?

Василий *(раздраженно)*. Нету у меня никаких поросят! Поросята твои. Сама и возись с поросятами!

Федосья (*всплеснув руками*). Вот дурак навязался на мою головушку! Всю жизнь мучаюсь с дураком. И не знай с чего из борозды выскакивает! Дурачок непокладистый, постыдись ты своей сивой мочалки! (*Дергает его за бороду.*) Ты это об чем разнюнился? (*Садится рядом на обрубок.*) Об чем, дитё малое?

Василий (*всхлипнув*). Да все об том самом...

Федосья. Натоте Христос, мужик рехнулся. Пора скотину поить, а он, ваялка, сидит на задворках да слезы в три ручья льет... И отчего бы? Ха-ха! За молодыми не угонялся. Те пошли с лукошками сеять будто настеганные... В грязь сеют... Грязюка до трубиц... А наш-то молодой колхозничек (*поднимает ему бороду кверху*) и поотстал... маленько засекся... Хе-хе!.. Ножки-то из земельки тащит-потащит, выгачить не может!.. Хе-хе!..

Василий (*не слушая*). А они как выгратют, жеребцы стоялые. Обида. Удач сосунам. (*Горячо.*) Не так сеяли! Зерно зря пуцали по ветру! Мне б учить да показывать, а я ни с места... от рубахи шар, ровно от самовара... Пар и в груди клокочет...

Федосья. На то ты и старик. Шестьдесят годов. Тебе б не сгибаться, не стариться, иноходцем до смерти скакать! Ха-ха!

Из крыльца осторожно выходит Петр Скрипичин, оглядывается по сторонам и становится под дерево, не замечаемый стариками.

Василий. Федька Хозяинов, председатель, кричит: «Эй, дедка, не отставай! Сей в грязь, будешь князь. Ползи, ползи, ручная сеялка. А не можешь — не надсажайсь».

Федосья. В колхоз эвали, — сеялок обещали. А загнули в колхоз, на хребте вывози. Сеялки-то у них только на картинках, а в деле их нету.

Василий. Неправда, старая. Есть. С ремонтом ко времени не угадали. Сев-то ранний. Не пожусь, видишь.

Федосья. Печаль тоже сказывается. И не годишься! Никуда не годишься! Всю живность в колхоз угнал? Угнал. Все обзаведенье отдал? Отдал. Ванька, да Аленка, да Машка, да ты — четверо на колхоз работаете? Четверо.

А зачем ты туда сам-то полез? Хватило б и троих. Откупилась! Ребятам неволя: за хлеб. А нам с тобой в своем хозяйстве за свиньями ходить. Свое, как было, так и осталось. Плюнь расстраиваться. *(Просительно.)* Зачерпни из колодца воды. Мне самой не вытянуть. Спина от погоды плачет.

Из слухового окна высунулась сноха Марья и спряталась. Старик встал, зачерпнул воды, поставил ведро возле жены и опять сел.

Василий. Получай! Не то ляпаешь. Я на погост не хочу. Наложимся вдосталь. Я был с миром, и хочу с миром. Тебе с поросятами вокурат как раз, а мне твои поросята... тьфу!.. На миру и смерть красна. Я желаю со всеми мужиками работать в колхозе.

Федосья. Ха-ха! Пригодишься?

Василий. Может, еще пригожусь.

Федосья. О, старик! О, у нас дедушка! Еруслан Лазаревич! Бова Королевич! Ха-ха!

Подходит с улицы Хозяинов.

Хозяинов. Ей, живая душа тут есть? Вымерли, что ли, все? Василий? Переходов? Батько, где ты?

Марья *(глубоко высунувшись в слуховое оконце, показывает рукой)*. Заблудился председатель? Вон он, батя, на задворках.

Федосья *(вполголоса)*. Несет нелетка. Опять, поди, наряд какой лишний. Повадился.

Василий. Тише, жарга! Забормотала неладное. Пость мой, а не твой.

Федосья *(передразнивая весело глядящую из оконца Марью)*. А ты чего на все Семигорье кричишь? Слышим, не глухие! Какая-то радость у тебя — полон рот зубов белых?!

Марья скрывается.

Хозяинов *(снимая шапку)*. Старичкам почет и уваженье. Особенно Федосье Митрофановне. Боюсь!.. А ну как, думаю, не пустит на задворки. И не пустит. Тут она—

владелица. Свой дом!.. (Показывает на слуховое оконце.)
Марьюшка вон не угодила. Ага! Скрылась с перепугу.
Хе-хе! Достается здесь колхозничкам! Помилосердствуй,
Федосья Митрофановна!

В а с и л и й (в лад гостю). Сварливая жена — в доме
пожар.

Ф е д о с ь я (насунясь). А без жены как без шапки. Уж
лаяла бы собака чужая, а не своя! (Хозяину.) Говори
дело. Нечего тянуть в прикуску да с подъезжалом. Поди,
другие в отказ, так наших стоворчивых дурачков пришел
седлать в непутевую работу?

Х о з я и н о в. А ведь сплеховала, Федосья Митрофанов-
на! Худа та мышь, которая одну лазею знает.

Ф е д о с ь я. Что ты глядишь, будто глотком подавился?

В а с и л и й (улаживая). Отвяжись, друг Федор Ива-
ныч! Тут толкованного не перетолкуешь.

Ф е д о с ь я. Тебе на боку дыру верти — ты станешь
поддакивать да благодарствовать!

Х о з я и н о в. Я тебе, товарищ Переходов, ровно бы
работенку сыскал по губе.

В а с и л и й. Неужто!

В слуховое оконце выглянула А л е н у ш к а.

Ф е д о с ь я. Погоди крыльями махать.

Х о з я и н о в. В поле тебе трудно... Слабит?

В а с и л и й. П-послабливает...

Ф е д о с ь я. Заездили! Как еще люди не помирают,
точно мухи по осени.

Х о з я и н о в (не обращая внимания). Стариков мы
определяем, сам знаешь, — кого в сторожа, кого в коню-
хи, кого в кашевары...

Ф е д о с ь я. Нашли стряпок в портках.

Х о з я и н о в. А ты, сказывают, прежде горшечник был,
Василий? Горшки да свистульки делал? Мастак?

В а с и л и й (от всего сердца). Семигорские горшки да
свистульки прежде в Москву возили на показ. Поди, поне
только там и остались небитые. Бариньё в разных квар-
тирах берегло более всего свистулечки...

Хозяинов. Собирай артель. Дуй на себя и на колхоз.

Василий (*суется и от радости хватая за руки то Федосью, то Хозяинова*). Это я с радостью! Это мы можем! Федосьюшка! Федя! Это нам каша мягкая с маслом! Мы с нашим удовольствием!

Федосья (*вырывая руку*). Обрадел дурной, будто пятьдесят годов свалилось с плеч. Упрыгают тебя! Обманут! Горшков наделаешь на чужих, а в свою избу и не дадут! А дадут — так с брачком!

Василий. Молчи, трепалка неуживчивая!

Хозяинов. Незачем пропадать ремеслу: замышляет. А зря. Мы его подыдем, товарищ Переходов.

Василий. Беспременно подыдем!

Федосья. В первый черед каждому колхознику по свистулжке в рот сделай. О, свист подымете! Разгуска по праздничкам.

Хозяинов. Толкуй, старина, с горшечниками. Баню старую отдадим при колхозе под мастерскую! (*Усмехаясь*.) Толкуй с однолетками. Бери старичков. Молодых не трожь: не дадим. Разве зимой от безделья кого обучишь. (*Снимает шапку*.) В этом мой и сказ. (*Идет к избе*.)

Василий (*останавливая его, оживленно*). Угодил ты мне во как! (*Поднимает руки кверху*.) Выше головы! (*Смеется*.) Может, и старуху пристроишь! Заела, ведьма! В старине сидит, как медведь в улье!

Хозяинов (*задумываясь*). Федосья Митрофановна бабушка лихая... Нда...

Федосья (*подталкивая его*). Иди, иди, председатель нехаяннóй, покуда я на самом деле на помело не села да не растрепала тебя! Одно охвостье потом подымай с дороги!

Хозяинов. Федосья Митрофановна, а ей-ей и тебе занятие нашел. Нашел, нашел, как есть. Иди в школу ребятишкам сказки рассказывать да песни петь.

Федосья. Сам рассказывай. Тебе б я порассказывала — поворот от ворот запором от ворот! Да вдогонку пропела б величанье. «Вишенье, вишенье, красно-зеленое».

Хозяинов. Пойдешь? Возьмем! Пусть нашим ребятам забава будет. Нам и сказки надо, и песни надо. Надо. И землю, и горшки, и сказки... Все надо на этом белом трудовом свете. На трудовом разочтем. Подумай, Переходиха. Всурьез говорю. Не для чужих будешь стараться. Сама ведь беднячка, и ребята у нас такие.

Василий обнимает Федосью за плечи. Та скидывает его руку.

Василий. Шутки-то, Федосьюшка, потянули, будто настоящий вес на коромысле. (Хозяинову.) Ох и мастерица же, нечистая сила, сказки врать! Заслушаешься! (Передразнивает.)

У честной вдовы да у Ненилы
А у ней было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родню матушку хоче кормити...

Хозяинов. Дело, дело... Подумай, бабка. Смени гнев на милость. Против своих идешь неведомо и почему.

Федосья. Уйдешь ты ноне, пустой стрекотун? У нас поросята не поены, не кормлены!

Хозяинов, усмекаясь, торопится.

Федосья (сует мужу ведро). Волоки на радости: ноша, поди, легка стала? Вдругорядь сходишь вприпрыжку?..

Василий (подхватывая ведро). Схожу, Федосьюшка! Ушат тебе наносу! Не то что свиньям хватит, а потоц на дворе делай... плоты пускай!

Уходят. У плетня появляется бригадир Ружейников и осторожно свистит. В слуховом оконце показывается Аленушка. Кивает. Петр в отчаянии всплескивает руками и уходит в избу. Аленушка, оглядываясь, торопливо бежит к плетню. Обнялись.

Ружейников. Я... мимоходом, наскорях... В правленья Хозяинов звал... Не могли наряд с попутчиками послать...

Аленушка. Вот ты ка-а-к! Только и ходьбы в Семигорье из-за нарядов! И... будто не рад?

Ружейников. Это я ни к чему сказал... (Смеется.) Какое — не рад! Все глаза на Семигорье проглядел. Кликнули, а я и побежал поперек поля...

Аленушка. Ой, ой, бригадир! Разве так можно топтать посевы? Ишь каблучищи! (Заглядывает на сапоги.) На четверть, поди, придавил зерно? Оно и не вылезет! (Оглядывается и на лету целует.)

Пауза. В слуховом окне показывается Марья, плюет и тримасничает.

Ружейников. Две недели не видались...

Аленушка (задумчиво). У тебя в полевом стану, поди, холодно...

Ружейников (привлекая ее к себе). От одной думы по тебе ровно печка навсегда топится и... стенки трещат...

Аленушка (боязливо отстраняясь). Видишь, как хо-рошо. Знай себе думай обо мне — и... жарко...

Ружейников. Тебя бы туды скорей! (Тянется к ней.)

Аленушка (отдаляясь). Зачем я тебе? Думки, говоришь, и той довольно... (заглушенно смеется), а со мной совсем испечешься...

Ружейников (в растерянности). Нет, право, кроме шуток, Аленушка! Что-то ты... тянешь?..

Снова выходит Петр из избы и садится под плетень.

Аленушка. Погоди, успеешь. Дай срок. (Смеется.) Я еще вдосталь не нагулялась в девках.

Ружейников. Может быть, ты не хочешь жить в полевом стану? Тебе скучно без деревенских? Так я у Хозяинова выпрошусь сюда. Я в полевом стану три года затворником просидел. Я заслужил. Хозяинов меня уважит. У меня есть к Хозяинову ключик... Как его покажу, он за меня горой. Чего попрошу, на то и согласен будет.

Аленушка. Ключик? Какой ключик? А я и не знаю? Ты от меня спрятал? Вот ты какой! На словах... милый, а... сам скрытный... Говори!

Ружейников (мнется и отодвигается). Это... это потом...

Аленушка. А... а!.. Значит, одно мне можно, а другое нельзя? Иди себе тогда... Чего тебе от меня нужно? (Отступает от плетня.)

Ружейников. Засмеешь ты меня...

Аленушка. Худо сделал, так и засмею.

Ружейников. Ей-богу, Аленушка, погодить бы...

Аленушка. Говори!

Ружейников. Вот пристала!

Аленушка (уходя). Прощай.

Ружейников. Стой, стой! Поди сюда. Так и быть, скажу. Раз проговорился, ничего не поделаешь.

Аленушка возвращается и облокачивается на плетень.

Ружейников. Только чур, до поры до времени молчок... Изобрел я...

Аленушка. Ну, ну... Может, стыдно сказать. Может, ты глупость вроде Васьки Синицына изобрел. Он на тракторе спит, так, чтобы под колеса не свалиться, сетку, говорит, надобно у трактора сделать. Хозяинов его руганул за такую выдумочку.

Ружейников. Не-ет, у нас другое... Четвертый год я пшеничку пытаю... Посеял в разных местах... Так с ружейничку... И поглубже, и помельче... И как растет пшеничка, палочкой вымеряю... Куда она прорастает и насколько, и как пахать надобно. Али мелко, али глубоко.

Аленушка (придвигаясь ближе и стора от нетерпения). Что вымеряешь-то?

Ружейников. Да стебелек.

Аленушка. Стебелек? А на что его под мерку?

Ружейников. А надо. Ты слушай. Стебелек вымеряю, а дома меру откладываю на аршине, на вершки.

Аленушка. На вершки? (Смеется.) Ой, кажись, ты на подобие Васьки Синицына! (Хохочет.) На аршине колдуешь!

Ружейников. Просмеешься! Нашел я, Аленушка, зерно самое наилучшее для наших земель и вспашку узнал.

Аленушка. А чего его искать, выдумщик? Не одинакое ли зерно везде в земле всходит?

Ружейников. Не одинакое. Мое зерно, посеи мы его в колхозе, озолотимся. Пшеница подымется выше головы у самого большого мужика.

Аленушка (в забывчивости, хлопая в ладоши). Вот это здóрово! Озолотимся?

Ружейников (показывает, приставляя ладонь к глазам). Во! Купаться станем в золоте! Как в бочаг прыгнуть! Скроет. С ручками. Семигорье тогда будет первый из первых колхозов на земле. А меня Хозяинов ува́жит: отпустит с полевого стана... Я свое сделал. Пускай другой на моем месте еще какую пшеничку найдет лучше...

В слуховом окне появляется улыбающаяся Марья и громко кашляет. Влюбленные отскакивают друг от друга. Ружейников присел за шлангом. Осторожно выглядывает. То же делает Петр.

Аленушка (быстро перелезая через плетень). Машка кашляет... Тсс. Не приподымайсь! Увидят. Согнись и отскочи прочь. Я за тобой. Идем. Я тебя провожу. Ты мне рассказывай...

Ружейников, скорчившись, отбегает. Наклонясь, то же делает Аленушка. Торопливо сходятся Марья с Петром и прячутся под куст у плетня. Поглядывают на слуховое оконце. Крепко обнялись и замерли.

Петр. Нет, не видно. Аленка, чорт, помешала. То старбень, то Аленка. М-машенька!

Марья. П-петруша! Настороже постоишь, многое узнаешь. Аленка Мишку взаглот взяла.

Петр. Так и надобно. Это Федосье подарочек. За первого колхозника девка выскочит, а старуха меньшуху за бывшего бондаря Яшку ладила.

Марья. За всех, кто побогаче. У всех сперва достаток прикинет — мал аль велик. Ведьма! Дай ей силу — продала бы нас всех на откупа!

Петр (стискивая ее). Ох!

Марья (разнеженно). Ох!

Петр. Убежим! Скроемся из Семигорья! Будет нам у самих себя воровать счастье! Будто кашкан на зверей поставлен: приманка нас тянет, глаз не оторвешь... А мы обходим тропой дорогую и милую жизнь.

Марья. Ой, нет, нет, Петруша! Люблю, люблю! *(Целует крепко, долго.)* Ой, не могу! Колька у меня! Мальчонка Колька! Жалко мальчонку! Люблю, люблю тебя *(целует)*, а и Кольку люблю! Хоть издали, а видеть мне нужно Кольку.

Петр. Уведем и Кольку с собой.

Марья. Не дадут. Да и куда мы денемся? Беглецы из колхоза. Кому беглецы из колхоза любви? И в городе и в деревне спросят — почему убежали? *(Горько.)* Тут, тут и жить, и плакать, и смерть придет.

Входит Федосья с мокрым бельем в руках. Отшатнулась. Остобенела. Слушает.

Петр. Мне обман хуже ножа. Не хочу путаться с тобой по секрету...

Марья *(закрывая лицо руками)*. Ах, как стыдно, Петруша! Одна Федосья целого бабьего Семигорья стоит.

Федосья вздрагивает.

Она запалит наши обе хаты с обоих концов. И не старое время, а стыд-то, стыд-то какой! Ведь у меня сынок по двенадцатому году, а люблю, а полюбила тебя. *(Целует.)*

Федосья едва сдерживается, шевеля губами.

И никто-то мне так не мил на свете, как ты. Ох, что теперь и делать, не знаю. В собственных ногах заблудилась... Куда и пойти теперь ноженькам?

Петр *(лаская ее)*. А я не заблудился. Уйдем в город. Обойдется беда. Мы Кольку к себе в гости позовем, да обратно парнишку бабушке-лиходейке и не отдадим...

Федосья готова кинуться вперед.

Марья. Иван у меня ничего не спрашивает. Молчит. Будто сторонится. *(В тревоге.)* Будто знает все, понимает все...

Петр (*крепко стискивая ее*). Не желаю возле тебя Ваньки...

Марья (*довольно смеясь*). Голубь мой сизокрыленький! (*Целует.*) Петенька, мой петушок, Петенька с золотыми перышками! (*Целует.*) Хохлинька, хохлинька мой, воробушек! (*Гладит по щеке.*)

Федосья пятится назад, закусилa губы, крадетсЯ обратно к набе, пугливо прислушивается к своим шагам.

Петр (*решительно*). Напрямик, Маша, напрямик пойдем! Не в калитку, а в ворота! Я скажу Орине, ты Ваньке...

Марья (*в ужасе*). Тогда счастьЮ конец.

Петр. Чего ж ждать? Так... попрержнему... воровски?.. (*Завязывает и развязывает пояс под распахнутым пиджаком.*)

Марья (*плача*). Всякая пустосмешка просмеет... Бабы влее мужиков... Орина меня... я боюсь... убьет меня Орина... Колька мой горькими слезами закричит... Научат его плакать... Мать у Кольки... беспутная...

В слуховом окне Федосья, Иван, Василий. Свирнула доска.

Петр (*зажав рот Марье*). Тсс! Федосья с Ванькой и отцом из окошка глядят. Должно быть, заслышали твои слезы... Молчи! Не шевелись! Я гляжу за ними.

Марья низко склонилась и замерла. Слуховое оконце опустело. Петр внезапно вскочил, вскочила Марья. Заметались. Петр незаметно для зрителя уронил пояс.

Петр (*полушопотом*). Идут сюда! Беги! (*Махнул рукой за плетень.*) По задворкам на улицу. А я в свою избу! Были — и не были!

Петр почти перебросил Марью через плетень, а сам крадучись пробрался в крыльцо и притворил дверцу. Пауза. Федосья осторожно идет сына и мужа. Ступают на дыпочки. Дошли и бессмысленно уставились друг на друга.

Федосья. Где ж это они, подлые души? (Суетится, заглядывает во все углы, за плетень, прислушивается, подбежала к колодцу, всматривается, перегнулась.)

Иван (подбегая к ней, отчаянно). Мать, она в колодце?

Федосья (отталкивая, делая «руки в боки»). Ты это что, кислая губа, заместо того, чтоб бабу учить... сразу же впал в жалость?

Иван злобно толкнул мать. Та упала и вспрыгнула легко. В ярости потрясает кулаками.

Иван (над колодцем). Утонула? Марья утонула?

Василий (труся к колодцу). Утонула! Утонула! Спускайся, спускайся живо! Обоих вытянем! Может, Машку откачаем...

Мешают друг другу, заглядывая в колодец. Радостно распрямилась, даже взялись с улыбками за руки.

Иван (вздохнув). Благотолучно... Никого...

Федосья (в ярости). Простофили! Жураки набитые! Да туда б ей и дорога, проклятушей! Она хуже не знай кого, а они в первую голову по ней же и плачут! (Передразнивает, как плачут.) В го-о-лос! За-причита-а-ли! Вниз головой в колодец полезли! Чего, чего увидали? Лягушек увидали? Ох, вы, несчастные пантюхи! Ни ухо, ни рыло, ни с рожи, ни с кожи, ни голосом, ни волосом! Да у нее волосинку за волосинкой, по одной, из головы надо выдрать! Умный муж-то бы и выдержал! За подволоски ее, за подволоски! Подол на голову! Подол на голову узлом. А по славнухе-то, по славнухе-то вожжой, вожжой! В кровь, в лафтаки!

Иван (мрачно глядя на мать). Заткнись, старая!

Федосья. Не глядя, баран, на меня комом, гляди россыпью! Мать я тебе, или нет?

Иван. Не знаю. Ты сейчас больше на свекровь походишь! (Кричит.) Ты чего мою бабу на позор выставляешь? Где ты ее застала? Может, ты спросонья посчитала дерево за человека?

В а с и л и й. Трепалка, трепалка! Греховодница! Может, соседи и повстречались, так что в этом неладного?

Ф е д о с ь я (*возмущенно хлопая себя, как крыльями, по бокам, вся взъерошенная и распушившаяся*). Да что я, на хорошую, да на пригожую, да на разумную смоху стану такие напраслины говорить? Опомнитесь, полудурки! По-вашему — скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом. Кривы дрова, да прямо горят. (*Топоча ногами на сына и тыча ему в грудь пальцем*.) Ох ты, дядя Трифон — с неба спихан! (*Мужу, хватая его за бороду*.) А ты — ни складу по складам, ни толку по толкам!

И в а н (*решительно подходя ближе к избе Петра, поднимает палку с земли, стучит по плетню*). Эй, Петрушка! Петрушка Скрипицын!

Выходят торопливо Петр и Орина.

И в а н. Ты... ты с моей Машкой... сидел тут? (*Показывает.*)

О р и н а. С Машкой?

П е т р. Когда?

Ф е д о с ь я. Да вот сейчас целовались да миловались...

Орина охнула и взялась за плетень рукой.

В а с и л и й (*захлопнув рот жене*). Да и что ты раньше времени ремизишь? Замолчи, пожар-баба!

П е т р (*наигранно показывая на Федосью руками и стуча себя в лоб пальцем*). У тебя, Федосья Митрофановна, в этом месте... не болит?

С л у ж к а подходит, наигрывая на гармонию, Ефим. С ним Костычев.

В а с и л и й (*маша рукой*). Стихни!

Ефим плюкнул и замолчал, закидывая гармонию на ремне за плечо.

Ф е д о с ь я (*вертясь, в полный отчаянный голос*). Виданое ли это дело, люди добрые?! Ну, и штучку отмочил Петруха! Я его застала с нашей Машкой вон тут! (*Показывает.*) Я бельяшко несла посушить на плетень. Слышупослышу — под кустом — шу-шу-шу... Так меня и про-

стрелило! А они-то и в обнимку, и в зажимку, и головы-то друг дружке на плечо клали, и бежать-то из колхоза собирались от срамоты...

Орина вскрикнула.

Кольку нашего омманом увезти задумали. Потаскушка-то мать лишь не согласна со своим любовником один-на-один милроваться...

Марья высунулась в слуховое оконце и скрылась.

Костычев. Стой, Федосья, будет! Что ты на общее собрание такое дело выкладываешь? Вы б одни, сами, на своих задворках... Нехорошо, matka. И сын тебе, и сноха, и соседи... Я, как секретарь сельсовета наставляю вас... Никому делов до этого нету. Единоличное происшествие... Эй, Ефим, пойдем, братишка! Ну их! Не слышали мы, колхознички, не слышали!

Иван. Нет, товарищ Костычев, и ты, Ефим, не уходите. Раз пошло в открытую, пушай в открытую... При свидетелях...

Федосья (яростно кричит). Родную мать в оммане хопь изловить?

Вбегает раскрасневшаяся Аленушка.

Аленушка. Иди кто-нибудь в избу. Иван, ты иди. Марья сидит в заднем углу и ревет в голос...

Иван делает резкое движение уйти.

Федосья (хватая его за руку). Не пушу! Не к ей бегать, а она должна сюда на карачках приползти с повинной головой! Глазынек ни на кого от земли не поднять! Зарыдала? Попалась, так и уразумела!

Василий (хватаясь за голову). Ну, и что же это, что же?! На что же это походит бабье зло?!

Федосья (вопя). У меня дочка на выданы! У меня Аленушка слова худого не слыхала! А нынече Петрушка нас ославил на всю деревню!

Орина (приступая к мужу). Правда, аль неправда?

Иван. Петруха, ровно бы мы с тобой до сего дня глаз друг от друга не отворачивали?

Петр. Кажись... незачем было...

Ефим (неловко пиликнув на гармонию, разудало). Не тяни, ребята! Вон секретарь Костычев (показывает со смехом) третьеводни от жены тоже сбежал... Бывает!..

Костычев. Сбежать-то я сбежал, а она ко мне прибежала... И... все ладно... Ха-ха!..

Орина. Отворачиваешься? Значит, Федосья не брешет?

Петр, усмехаясь, мнется.

Федосья. Я брешу, я брешу? Глаза у меня впереди, а не на затылке! Не займовала! Своими вот этими (показывает на глаза) видела! Все видела! Неужто середь бела дня на задворках привиденья бывают? (Визгливо.) Ай, ай! Вот он, вот он! (Бросается вперед и поднимает пояс.) Вот он, Петров поясок. Хе-хе! На пальчике его вертел, как Машку улещивал бежать из Семигорья! Рассупонился и обронил, и обронил омманщик!

Федосья высоко и торжествующе подняла цветной поясок. Все обомлели. Орина вырвала поясок.

Орина (мужу). Наш, поди? Ошибся... и след оставил?

Петр (протягивая руку). Дай!

Орина кидается на мужа, стегая его по лицу пояском. Петр защищается руками и отнимает.

Орина (в неистовстве). Второй год обманываешь! (Захлебываясь слезами.) Второй год я ровно солдатка... без мужа! Теперь я поняла! (Бежит в избу.)

Пауза.

Петр (опустив голову). Видно, так тому быть... (Поднимающая глаза на Ивана.) Али, Ванька, как петухи сразимся?

Иван резко замахнулся палкой. Костычев ткнул в бок Ефима, и они быстро перелезли через плетень, становясь возле соперников.

К о с т ы ч е в. Товарищии! Товарищии! Ежели... Так нельзя... Нынче это нельзя...

Е ф и м. Не полагается... Не полагается...

Иван медленно опустил руку с палкой, стиснул зубы, сломал палку, швырнул ее. Петр отодвинулся вллубь.

Ф е д о с ь я (*визгливо*). А вы кто такие указчики? Парня оманули, а ему и подрататься нельзя? А? Обидчику шапочку снять с благодарностью?

Аленушка оттаскивает мать. Иван угрюмо молчит. Пауза.

И в а н (*сквозь слезы, укоризненно матери*). И для чего ты, старая, разбудила всех! Не знать бы!.. и не плакать! (*Быстро уходит.*)

Входят Хозяинов и Маркелов.

Х о з я и н о в. Товарищ Переходов, а я вот тебе и первого заказчика привел на горшки. У товарища Маркелова в колхозе Матренкине посуды для варева недостача.

В а с и л и й (*приветливо пожимая руку Маркелова*). Обожжем, сколько кошь обожжем...

Ф е д о с ь я. Всем новые горшки дороже всего. А никто о битых-то горшках и не подумал. Сразу забыли, окаянные!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Обстановка крестьянской избы. Стол, лавки. Новое: советские лубки-плакаты. Прямо против зрителя дверь, направо по стенке два оконца.

Федосья (с веником в руках). Неслухи! Побродяжки! Старики, и те степенство потеряли! Под молодых играют! (Метет.) Старый хрыч мой, ровно баннушко, сидит с утра до поздна в колхозной бане и горшки делает. Хозяинов похваливает, а Василий — будто голодная рыба на уду хватает. (Швыряет веник, останавливается и гладит спину). Ой, ка-а-к резуло! Должно быть, к дождю. Ох, ох, охти мне! Р-розыгралась спина! (Садится на лавку.) Не видать более настоящего хозяйства. Мужики и бабы — вся деревня — ополоумели... Куда-то бегут, слов городских нахватались, не понимают, а делают, как новые хозяева велют. Ай, ай, в самый хрящик ударило! (Трет поясницу.) Ну, будто отступило... отошло... (Встает, поднимает веник, метет.) Аленка как без отца, без матери. Ровно нас и нету. Бондарь-то Яшка, поди, от прежнего времени зарыл немало старых денежек... Бабу приведет, тогда и откроет клады. Обует, оденет, нарядит бабочку, будто первая в околотке хозяйка. Я — сватать, Яшка мне шапку домает из того конца деревни. Аленка — в смехи. «Душной, — говорит, — Яшка, не по характеру... Сама, — говорит, — за его не хо-

чешь? Мы отца уговорим, отпустит, получиай разводную... Это матери-то так! (*Задумывается, держа веер на весу.*) И где, и где она бегаёт до ночи каждый день? Поди поймай, поди уследи... Жизнь! Уделали ничего себе вольную жизнь. Колька внучонок тож... Окол тракторов да окол разных машин прыгает да песням пустым обучился. (*Передразнивает.*) «Сергей поп, Сергей поп...» «По морям, по морям...» Тьфу! И драть некому! Я за виду, а на меня все-то гурьбой, все-то Переходовы! Где б попржнему молитвы учить (*крестится и с умилением читает*): «Богородице дево, радуйся», а они из попа-батюшки, охальники, шута делают. Попа из деревни вывели и сослали. Ефимка в алтаре на гармонье играет, а девки по антихристовым праздникам пляшут. (*Крестится.*) Царь, царь небесный, разрази! Что делается с народом. Чем домохозяин беднее, тем больше выдумки. Ах, беспортошные, ровно баринье в них оказалось. Те завсегда дикасились. А нам-то, а нам-то зачем не по-крестьянски, не по-старопржнему жить?

Вбегает Колька.

Колька. Бабушка, а я на тракторе ездил. Мишка-тракторист меня прокатил!

Федосья. На коне б ездил — это бахвальство, а на тракторе всяк поедет. Сиди, а он тебя везет.

Колька. И лошадь везет.

Федосья (*дергая внука за рукав*). Ишь штаны-то измазал трактором! Дам вот по затылку, будешь штаны мазать.

Колька (*осторожно отходя*). Мишка-тракторист, бабушка, нам всю машину показывал. Будто ты на кусочки барана режешь — косточки, жилки, копытца на студень... Мишка разобрал трактор на маленькие-маленькие железячки.

Федосья. Нечего делать твоему Мишке. Нешто можно машину зря портить, для показу? Разобрать — разобрал, а, поди, и не складет обратно. Ума не хватает.

Колька. Это, — говорит, — вам, ребятки, практика сызмалетства. Большие вырастете, заместо нас на трактора сядете. Я, бабушка, пойду в трактористы.

Федосья. Тракторист взялся! Трактор твой — дрыг и сломался. Не то починишь, не то нет. Может, в ту пору мастер пьяной... Лежит он и куражится. А соху любой мужик наставит. Она никогда стариков не выдавала. И пахали во-время, не как нонче. Тракторист какой сыскался!

Пауза.

Колька. Бабушка, а ты не видала — новые машины мимо нас везли давече?

Федосья. Не видала. Ничего не везли.

Колька. Нет, везли. *(Восторженно.)* Такие, бабушка, машины рогатые, с люлочками, с ковшичками... *(Показывает.)* Сам Маркелов приезжал. Смотрит и чего-то смеется и так во все стороны мужикам рукой: «Каково, — говорит, — мужики, на этих-то лошадках?.. ровно бы ничего, до точки дойдем». Это, бабушка, до какой точки?

Федосья. Поди у Маркелова и спроси. Его точка, он тебе и покажет точку. Висельник, болтушка, скачешь по колхозу, нет бы за поросятами поглядеть. Да не раздавили б твои трактора курочку на дороге!

Пауза.

Колька *(смеется)*. Бабушка, а Хозяинов-то нынче над тобой зубы скалил.

Федосья. Это как — скалил?

Колька. А когда Маркелов машины-то новые показывал, Степка Гвоздь на навознице подъехал. Хозяинов-то и скажи при всех: «А вот, — говорит, — и Федосья Митрофановна подъехала». И все как мы *(закрывает нос)* прыснули...

Федосья *(замахиваясь веником)*. Пошел вон, дьяволенок! Наслушался там!

Колька *(отодвигаясь)*. Бабушка, я не смеялся, ей-богу, не смеялся. Мне чего смеяться? Меня ребяташки из-за тебя «навозницей» прозвали. Так «навозницей», поди, полдня кликали. Да я от них откупился. Я им наврал. Я говорю: бабушка Федосья у нас पहले всех за трактор. Дедушка сказал — бабушка Федосья в колхоз пойдет, ма-

лым ребятам в школе сказки сказывать. Вот как я, бабушка, откупился!

Федосья (*кидаясь на него с веником*). Негодник! Дрянь! Ты это от кого научился над старухами лясы точить?

Колька с воем бегаёт кругом по избе, спасаясь от нагоняющей бабушки, и выскакивает за двери.

Федосья (*отдуваясь, села на лавку*). Наказанье... Беда... Клопик маленький, родной внук, а рад сжить бабушку со света. Так и норовит перечить, так и норовит!

Колька (*распахнув дверь*). Бабка — пила! Бабка — пила!

Федосья (*вскакивая и швыряя в него веником*). Брысь, стервец!

Колька хлопнул дверью.

Федосья (*подбежала и выглянула в дверь*). Приди, приди ужё домой, я тебе надаю, надаю тумачков, я у тебя мягкое-то месло сыщу, сыщу в порточках! (*Закрывает дверь, подняла веник. Садится на лавку под окно. Задумалась.*)

Пауза. О стекло стукнула осторожно палка. Бабка вздрогнула. Опасливо открывает раму и прячется за косяк.

Колька (*жалобно*). Бабушка, дай хлеба!

Федосья. Хлеба?

Колька. Я за хлебом и прибежал. Мы с ребятами в полевой стан собрались. К Ружейникову. У него сегодня веселье: закладывают новую колхозную хату.

Федосья схватила в окно палку, Колька твнет.

Федосья. Ты это бабушку палкой, палкой пугаешь? (*Отняла, втащила, положила на лавку, высунулась в окно, погрязая веником.*) Вот тебе хлеб, вот тебе хлеб! Нечего таскать по полю да хлебом собак кормить! Скачи так. Со всеми, со всеми хлебай похлебку. Ко времени в избу придешь. (*Захлопывает раму.*)

Входит Марья.

Федосья. Парень-то в тебя... Уродила молодчика... Облаял бабушку, большой так-то не выдумает... Может, по твоему наушенью?

Марья молча роется в заднем углу.

Федосья. Кому это я сказала? Поди, слыхом не слыхала, видом не видала? Кроме бабушки ни за кем вины нету?

Колька (за окном). Мамка, выглянь сюда!

Марья подошла и распахнула раму.

Федосья (требовательно). Не бálуй!

Колька. Мамка, мне бабушка хлеба не дает.

Марья открывает стол и берет хлеб.

Федосья (пытаясь отнять). Потаковщица! Он меня всяким словом, а забалуя кормить?

Марья. Я свой даю, не твой! На, Колюшка! (Опускает в окно.)

Федосья («руки в боки»). Ты что это забываешься? Кто здесь хозяйка: ты или я? Ты хлебы печешь? Ты спину трудишь?

Марья. Я ее тружу на поле, а не труди мы ее на поле — тебе б и печь было нечего!

Федосья. Да кто здесь распорядиться должён? Распоряжайся ты у своего Петрухи!

Марья (кричит). Стану с Петрухой жить, не слыхать мне больше твоего ангельского голосочку! Может, из-за одного его глазá-то на соседа и пали! Позавидовала чужому ладу и покою! Жизни радостной захотела!

Федосья. Блуду захотела! В чужое стойло полезла! Одного мало, на двоих хватит!

Марья. Отвяжись от меня худая жизнь, привяжись хорошая! Чего тычешь в больное место? Какая корысть? И так-таки от тоски да от мученья руки на себя накладай!

Федосья. Не смей голову подымать! Осрамилась да ославилась, так молчи и кайся! А она, гляди, норку кверху, будто голубица чистая. Куда Иван пропадает? От дому

что такое его гонит? Дух ему в избе тяжел-тяжелешенек? Ты, ты, бесстыдница, ножик ему в сердечушко вонзила! По рукоятку вонзила и переворачиваешь и переворачиваешь!

Марья (в отчаяньи валясь на лавку). У меня у самой каждое место болит, будто я сама-то вся на ножах колючих...

Федосья. Орина-то стала ровно ушибленная навек. Не красен и Петруха. Того пуще темен Ванька. Одна ты бока растишь. (Широко раздвигает руки.) Вò у тебя карета! Вò у тебя (распушает кофточку)... груднушка! Навсех хватит. Двоих положишь — друг до дружки не достанут.

Марья (бьется на лавке). Уйти, уйти бы куда-нибудь! Сгинуть бы в тартарары! Убило бы меня молнией! Помереть бы мне! Не охну. Никого не жалко, никого не надо, все опостытели, будто дождь осенний.

Федосья. Вот, вот таким безголовым, да на чужих мужиков солодчим, да на всяк грех охочим — кого, кого им скалеть, кроме себя? Разлучница, в двух избах это поселя пригоршней! Кровь у нас вышла полной чаркой. Не помаленьку, а полной чаркой хлебнула. Ванька-то наш от роду не плакивал, а нынече, как у бабы, глазыньки стали на мокром месте. Застанешь одного в избе, а рожа у него косая, в глазах краснища, и нос мокрый от слез. Ты думаешь, ему легко? Тьфу! Не гордись, не зазнавайсь! Не от любви к тебе ревет, а от позору.

Марья (в бешенстве). Все, все чистенькие, одна я замаранная!

Федосья. Одна, одна, одна и есть! Не соблюла себя, подманила к себе Петруху, насильно согнала его бабу с постели...

Марья вскакивает и бежит к двери.

Федосья. Куды? К Петрухе побежала? Успевай, пока мужики с работы не пришли! (Высунулась в дверь за Марьей.) Поди, раньше из-за этого самого и явилась? Ха-ха! Местечко-то, гляди, выберите поухороннее! Не за-

пнулся бы за вас какой хожалый человек! Ха-ха! (Хлопнула дверью.)

Пауза. Старуха стоит посреди избы. Потом внезапно широко крестится.

Федосья. Прости меня, царица небесная, божья мать троеручица, прости меня, Федосья мученица, простите рабу грешную. Учу добру балованную сноху Машку, может и не совсем таки по-хорошему. (Крестится.) Может, Машка теперь и не путается. (Крестится.) Глаз не свою ни днем, ни ночью. Ловлю да стерегу. Поймать не могу. Прости, богородица, распалюсь, грешница, и не знай какие слова из меня сыпятся, будто кто качает из меня насосом брань да хулу на Машку! (Сердито.) Тьфу! Не-е-т, ее не так еще следует! Чтоб не порела да не розовела, да ровно яблоко не наливалась в полямя, в ямочки красные, а ссохлась вся, кожа на теле порубилась в морщинки, иссеклась в паутину, в паутину! (Язвительно.) Сметану ела, хлебай, значит, за это обрат! Помни, мучайся, стыдись чужого мужика! Оно и дойдет до сердца: шелковая да покладистая станет. Стегать надобно больно, до крови, чтоб на кажинную плетку по всей деревне сыскоса поглядывала, да хвост свой подбирала!

Входит мрачный Иван.

Федосья. Где пропадаешь?

Иван (неприятно останавливаясь против матери). Ты мне добра хочешь?

Федосья (задирчиво). А ты как думаешь?

Иван (стиснув руку матери, с искаженным лицом). Так я тебе, мать, сказываю. Бил я Машку по твоему наущенью. За старое взялся. Битьем себе любовь хотел воротить. Перед всем колхозом показал себя... во всей красе. Может, такие, как ты, и за меня, а я-то, а я-то против себя делал. Против своих настоящих товарищей. Я от стыда в землю гляжу. От муки моей и от стыда. Я будто по труду своему переродился, а по ухваткам своим тот же мужик слепой! Не-е-т, я очнулся! Я зенки себе расчистил!

Шабаш тому времени, когда за любовь людей били! Шабаш! *(Кричит.)* Машка ни в чем не виновата. Слышишь?

Федосья вырывается.

Стой, не вырвешься! Я тебя посильнее. Ни слова больше мне о Машке! *(Толкнул мать.)*

Федосья упала на лавку.

(В беспамятстве, поднимая кулаки.) Я т-тебя, старая, изобью, а не Машку! *(Хватается за голову и убегает.)*

Пауза.

Федосья *(разводя руками, ошеломленно)*. Ай да сынок! Ай да ласковоньково голубчика вспоила, вскормила! *(Вскакивает.)* Ну-у, нет, я к тебе подкачусь под хорошую руку. Я к тебе, дураку, прилипну еще не так. От меня ты не увернешься. *(С обидой.)* Я только для его и стараюсь, а он меня на Машку променял. Машке воля, Машке гулянка хоть с любым мужиком, а она ж и правая. *(Задумалась. Хитро.)* У меня в горнице на божнице скляночка... святая вода припасена. Пооди, не затухла. Окроплю сонного Ваньку... *(Уверенно.)* Поможет, поможет! Как рукой смет его глупость! Скажи на милость... Ванька — рогац, а Машку же и обороняет. Святая вода раньше от всех недугов врачевала... *(Быстро выбегает.)*

Федосья возвращается со склянницей.

Федосья *(болтая в склянке и умильно разглядывая содержимое)*. Хорошо я ухранила. Пригодилась. От святой воды не только что, а нечистые духи разбежались. Батюшко-то рассказывал до коммунистов в церкви. Видно, поп-то, поп-то все знал, а то постеснялся бы оманывать народ зря... Ванька у меня в хворости, в тумане. Машка напустила. Гнев от себя отводит. Вот я ее подсуну Ваньке в настоящем обличьи. Святая вода глаза ему промоет.

Входит неловко и сконфуженно Иван. Мнется. Федосья прячет склянку за пазуху.

Федосья *(вкрадчиво)*. Так-то, так-то, сынок. Не угодила вишь. За горло нынече матерей берут.

Иван (подойдя к ней и опустив голову). Не сердись, старуха, я, я... Подкатило мне ком... Ты больно, старая, осерчала... на всех... Ты мать, не понимаешь.. по-новому...

Федосья. Не понимаю..

Иван. И... не суйся!

Федосья. Ой и не сунусь боле!

Федосья быстро вытаскивает склянку, глотнула и прыснула в лицо сыну.

Иван (вздрогнул, отшатнулся и утирается). Чего, чего ты... выдумала? Чего... брызгаешь? (Видит склянку и смеется, щелкает по ней стречком.) А жива-живехонька у тебя поповская благодать!

Федосья. Помолчи, бескрестник!

Иван (развеселившись). Ей-богу, матка, помогло! (Смеется.) Веселье меня сразу обняло. Успокоился я. Ха-ха. Береги, береги бутылочку и впредь. (Дурачась.) Дай... я Машку вспрысну.

Федосья. Твоя Машка недостойна. Ее бы вспрыснуть плеточкой вдоль спины да на одном месте и... позамешкаться...

Иван (хмурясь). Мамаша, Федосья Митрофановна, я тебя уговаривал...

В сенях шум и топот ног. Федосья торопливо прячет за падуку склянку. Входят Василий и Маркелов.

Василий (оживленно). Мать с сыном? В ладу аль не в ладу?

Федосья. В ладу. Только что не деремся.

Иван. Ладили, ладили и поладили. (Насмешливо вытирает лицо.)

Василий. А мы, Федосья Митрофановна, с начальником в отъезд. Поминай как звали! Везет меня товарищ начальник в колхоз Пудожку. Обучи, — говорит, — колхозников гончарному делу. (Хвастливо.) В неделю одну-другую поймут!

Маркелов. Мужики у нас там понятливые: учителя не задержат.

В а с и л и й. Глины там, первостатейные. Знаю. Горшки получим тонкие и звонкие. Вместо колоколов на колокольню вешай: бам, бам!

Ф е д о с ь я. Горшки, горшки! Обрадел. Дом разваливается, а он язык высунул со своими горшками.

М а р к е л о в. Не развалится. Поддержим.

Ф е д о с ь я. Кто поддержит-то? Ты? Ты скорей подтолкнешь, чем угол плечом подхватишь!

В а с и л и й. Собирай меня, зуда, в гости. Ты знаешь, что в мешок кладут... Хе... хе... на чужую сторону...

Вбегает расстроенная Аленушка.

А л е н у ш к а. Товарищ Маркелов! Ой, как бежала! Думала — уехали. Товарищ Маркелов, довези меня до полевого стана. Скорей, скорей!

М а р к е л о в (*осторожно, озабоченно*). Что... так торопишься?

А л е н у ш к а (*задыхаясь*). Оттудова прохожий был... В полевом стане избу рубят... Ружейников со сруба свалился... Ногу, говорил прохожий, свернул... Скорее, скорее! (*Мечется по избе.*)

Ф е д о с ь я. Ты это что, шалая, выдумала? Все девки, что ль, в колхозе сговорились и... побежали Ружейникова жалеть?

А л е н у ш к а. Одна я! Мне одной дело до Ружейникова! Одна я жалею! Товарищ Маркелов, поедем, поедем скорее.

И в а н. Мать, ты и Аленку покропи. Тащи из-за пазухи святую бутылку.

Все удивленно уставились на Федосью.

Плюнь, подуй... Аленка и перестанет жалеть Ружейкова.

В а с и л и й. Давай мешок, Федосья, а то и без мешка уячу. Гляди, и Аленке туда — попутная. Чего ты? С отцом ведь девка поедет. И я загляну на парня. Парень знакомый и тихой. Может, и в сам деле парню надобно помочь. Бабы руки тут лучше лекарства.

Аленка мечется по избе. Федосья схватилась за голову, утомленно села на лавку, вынула лениво и открыто склинку и поставила ее у всех на виду на окно.

Маркелов. Вот я тебя, Федосья Митрофановна, и поддержал. Все против тебя, а я за тебя. Я Аленушку ни за что не возьму.

Аленушка. Товарищ Маркелов...

Федосья. Ага! (*Льстиво подходя к Маркелову.*) Он у нас... начальник-то... умница... живехонько понял — какой срам девушке к холостому парню, хвост загнувши, бежать...

Маркелов. С Ружейниковым ничего... Сверзился с самого высокого венца и... ничего. Чорт его, как уцелел! Проезжал я давече мимо... Ковыляет на левую ногу, а к телеге подошел. Курили вместе.

Аленушка. Верно?

Маркелов (*кладя ей на плечо руку*). На все сто процентов.

Федосья. Расцвела, негодница, будто новое платье подарили! Хорошо — народ здесь не чужой...

Маркелов. И я не чужой?

Федосья (*снихождительно маша рукой*). И ты... (*Язвительно.*) Несмышленьш двадцати двух годков, выдала б свою девичью слабину! Тьфу! О, наказание! Вся изба по иглам разваливается!

Входят Хозяинов, Костычев, Петр и Марья.

Федосья (*всплескивая руками*). Этого бы еще недогадало!

Хозяинов. Груда мала, Федосья Митрофановна.

Федосья (*топочась на месте*). Пе-е-тру-ушка и... Машка?!

Хозяинов. Все в сборе.

Костычев. Что за шум, а драки нет?

Федосья. Есть!

Хозяинов. Так вот, Ванька... Я к тебе. Тебе и знатье во всем нашем происшествии. Я с Петрухой и с Машкой стоворился. Ты, брат, сказывают, рассудительный... Мы

(показывает на Маркелова) вон и с товарищем начальником судачили про вашу жизнь. Пускай Машка с Петрухой в колхозном общежитии живут. Пускай к кольщику прививаются. Мы им конурку там отхлопотали. Потеснились ребята для такого дела...

Иван вздрагивает и пятится.

Хозяинов. Что с тобой? Али мы на людей не похожи — задний ход даешь?

Иван (кричит). Машка? Петруха? Я муж... узнаю после всех... Меня никто не спрашивал... (Кричит.) Машка, ты в уме?

Марья. Иван,пусти... по-добру по-здорову...

Иван. А Колька?

Марья (плача в голос). С тобой останется... Может, может, может, когда и к матери... э-забежит...

Хозяинов. Ванька, так-то всем легче.

Костычев. Общее облегченье.

Иван борется, хочет броситься на Петра, делает резкое движение к нему и... останавливается. Все насторожились. Пауза.

Хозяинов. Товарищ Переходов, ты, брат, безо всяких решаи. Все согласны, один ты не сказал последнего слова. А надобно... И больно, а надобно...

Федосья (кричит). Что ты, разбойник, моего сына колом по башке бьешь?... (Задыхается и ничего не может сказать дальше.)

Аленушка. Правильно сказал, Хозяинов. Иди, Машка. А Ивану стыдно.

Костычев. Ай да девка — золото! Это наша... обчужительная! Иван, не отставай от молодежи!

Пауза.

Иван (тяжко). Не отстану... (Отвертывается от всех и садится у окна.) Пускай... (Машет безнадежно рукой.) Пускай, куда хочет, идет... Я не препятствую... Сама знает, что делает...

Федосья. Ка-а-к? Здорово живешь! Отпускаешь бабу во своим обидчиком? Ровно литки с ним выпил? Ах ты, ты! неразумное! (*Разгорячась.*) Да она нам всем в лицо наплевала, нагадила в нашей избе, позором покрыла нас, а ей все сходит с ручек, да об ей же Хозяинов печалуется? Да я ей (*топает ногами*) сама сперва ключья выдеру! (*Кидается на Марью.*)

Костычев и Маркелов схватывают ее.

Маркелов. Бабушка, сунь-ка, сунь грабли под фартук. Смотри, Марья — баба молодая, как бы тебя не изувечила.

Врывается **Орина.** Бледна. Растрепана. Платок сполз с головы набок, кофта расстегнута.

Орина (*кричит*). В обчезитые поехали! Обчезитый настроили! В обчезитые чужих мужиков сманивают! В обчезитые распутство холят! И там, и там я вас достану! (*Кидается к Марье.*) И там я тебя достану, разлучница! Убью, убью, убью! Все равно убью!

Костычев, Хозяинов, Аленушка теснят ее от Марьи.

Маркелов (*резко дергая ее за руку*). Эй, товарищ Скрипицына, говори, да оглядывайся. Кто грозит, того мы на заметку берем. Не поздоровится. Это раньше на драки, высунув языки, смортели любопытные и равнодушные люди, мы нынче вмешиваемся в драки... разнимаем. Не даем колошматить друг друга.

Хозяинов. Орина, об тебе больше, чем о Петрухе, стараемся. Свыкнешься — тебе же будет легче.

Иван (*мрачно*). Орина, ведь я молчу, а ровно бы и я с тобой в половине... Отстань! Не вернуть! Не поправить! Разъехалась жизнь! (*Сжимает голову руками.*)

Костычев. Дурашка, волков с собаками разводим. Житья вам всем нету. Руки связанные развязываем. Сами и благодарить будете, когда заживет, что нынче болит.

Орина (*валясь на пол, в слезах*). Попомнят они Орина! Попомнят!.. Я их разукрашу, голубчиков!

Федосья (*наклоняясь к ней и лаская ее*). Не убивайся, Орина, не стоят они перстника твоего, блудни. (*Умильно.*) Вот тебя бы, Орина, я лелеяла и баловала, будь ты моя сноха.

Хозяинов. А за чем же остановка?

Костычев (*смеясь*). Мы с Хозяиновым и разводим, мы и венчать можем!

Иван (*мрачно*). Сколько веревку ни вить, а концу быть... (*Вскакивая, кричит.*) Убирайтесь вы все от меня к лешему! (*Бессмысленно размахивает руками.*) Вон из моей избы! А то... разражу кого-нибудь... невзначай! (*Плачет навзрыд.*) Обобрали, всего обобрали!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Праздник урожая. Вечеринка в общежитии. Комната украшена красными флагами больших и малых размеров, хвоей, снопами пшеницы; две огромных желтых тыквы подвешены среди знамен. Прямо против зрителя входная дверь. Над нею по всему заднему плану протянуто красное полотнище. Крупно и броско написано белыми буквами: «Первым ударникам колхоза «Семигорье» — Ефиму Булавину, Марье Скрипицыной и бригадиру Ружейникову колхозное «ура!» Направо и налево у стенок длинные лавки. По углам круглые печи-голландки. Прислонясь к одной, сидит на стуле Ефим Булавин с тальянкой. Вся сцена заполнена народом. Занавес отрывается под веселую плясовую. В круге пляшут Ружейников и Аленушка. Все хлопают в ладони.

Ефим (играя). Наддай, наддай, ребята!

Василий (сидящий на передней скамье, то встанет, то сядет, весь в беспокойстве). Аленка, части! Аленка, части!

Иван (переступая ногами). Мишка! Ружейников! Коленца, коленца не позабудь! Ох! Так!

Плядун крутится на одной ноге.

Так! Отдирай, примерзло!

Общая заинтересованность. Неопределенные, неразличимые возгласы, шум, крики, смех. То все стихнет, то снова.

Василий (махнув рукой, с досадой). Ах, да не так, не так, Аленка! У тебя прежде матка Федосья всех переплясывала.

Все оборотились к старику, уомехаются, хохочут и оразу двигаются к нему.

Первая девка. Тащи Василья в круг! Тащи! Старику самому охота в пляс!

Вторая. Бери его, девоньки!

Петр (подталкивая). А ну, бывший соседушка!

Иван. Отец, уважь!

Все толкают Василия. Аленка вырывается из круга и проносится мимо отца мелкой, задорной дробью.

Василий (отбиваясь). Отстаньте, отстаньте! Что вы, что вы, очумелые! Да я тут покойником и лягу! Весь наш праздничек тогда к дьяволам!

Первая девка. Не ляжешь!

Вторая. Нечего, нечего отказываться! У самого ноги не стоят на месте. Переступает ровно молодой.

Третья. Старый конь борозды не портит.

С хохотом тащат Василия. Старик толнул два-три раза и сразу устал, зашатался. Под общий смех его ведут и усаживают на лавку.

Ефим. А ну, мало одного селезня с самой! Вступай, други! Всем сестрам по серьгам! Общее веселье! Тр-р-р! Пляс так пляс! Эй, ребята, вали целым приходом!

Общая пляска.

Входит Маркелов, Хозяинов и Костычев. Их некоторое время не замечают. Наконец Марья, Аленушка, Иван, Петр подчеркнуто, ясно для зрителя перешепнулись, сделали несколько жестов в сторону пришедших, кивают, смеются — и бросились на Маркелова.

Тащат его в круг.

Аленушка. Пляши, начальник!

Все. Пляши, пляши, не зазнавайсь!

Марья. Покажи нам, товарищ Маркелов, что и у тебя ноги есть.

Иван (с хохотом). Из одного места растут.

Василий. Уважь, уважь, товарищ начальник! Уважь, Маркелушка!

Маркелов смеется и раздумывает.

Ефим. А, попался, который кусался! А вот я ему сыгрую! *(Заиграл трепака.)*

Маркелов охнул, топнул ногой, шапку долой, швырнул в гармониста, быстро свинул пиджак, Хозяинов его подхватил на руку. Маркелов при общем одобрении пошел. Хозяинов — весь внимание. Он приговаривает: Забрало и его. Быстро стащил свой пиджак, всю ночь швырнул на пол в сторону и пошел в шапке со всякими выкрутасами плясать.

Марья *(кричит)*. Желаем все начальство!

Все. Врех, всех!

Аленушка. Костычева, Костычева!

Костычев. Ах ты, мать честная! Не отстану! Придется. Зачем олказываться? Я им покажу, как секлетари ходят корчажкой! Эх! А я и при полной амуниции могу! *(Пошел в присядку.)*

Ефим. Коллективно, ребята! Всем колхозом! Праздновать, так праздновать!

Общая пляска и гвалт. Понемному плясуны выбывают из строя, отдуваются и вытирают потные лица.

Маркелов *(остановившись, одеваясь, машет рукой Ефиму)*. Стой, Ефим! Шабаш! Будет! Дело не кончено! Баста!

Пляска прерывается.

Маркелов. Товарищи, председатель колхоза имеет слово.

Все. Давай, давай!

Хозяинов *(надев пиджак, показывая на красную ленту с именами ударников)*. О, все видят?

Все *(хором)*. Все.

Хозяинов. Награды достойны?

Все *(хором)*. Достойны.

Хозяинов. Отвода не будет?

Все *(хором)*. Не будет! Нет! Какой тут отвод? Дело ясное!

Хозяинов. Так, значит, правление колхоза награждать будет...

Все (хором). Награждай. Ты сейчас награждай!

Голос из толпы. Посуленого три года жди!

Хозяинов. Нет, это почто же? Безо всякого посула.

Костычев. А только всем сразу награды не вышло...
Одному Ефиму везенье... Подкатило счастье...

Маркелов. Костычев, погоди.

Хозяинов. Верно, одному Ефиму. Мы это нынече... вот час тому назад... мы это сидели и раздумывали, как это так побаловать ударников... Ружейникова да Марью не спросили ране... Чего это им в дар? Какой у них есть изъян в жизни? Да мы и потом договоримся... (Смеется.)
Ефима нам и спрашивать нечего...

Ефим. Как это — нечего? Спрашивать, так всех!

Хозяинов. Нечего! Мы Ефиму сами удумали. Маркелов из города третьеводни привез штучку...

Общее движение.

Все. Штучку? Что такое? А? А где она?

Хозяинов. Здесь она: за дверью. В бумаге завернута.

Все с шумом кидаются к дверям.

Костычев (успевая встать в дверях и раскидывая руки). Ш-шалишь! Это мы сразу не покажем. Это мы сами. Стой, стой. Знаку нет от Хозяинова.

Хозяинов. Вот тебе и знак (загребает к себе руками воздух.) Подавай живо!

Костычев выбегает и возвращается с каким-то предметом, покрытым шиджаком.

Костычев (кладя у ног Хозяинова). Окутки не пожалел. Не заглядывать, не заглядывать! Тут у нас птица звонкоголосая. Запоет-закричит — так всех оглушит.

Хозяинов. Товарищи, колхозники Семигорья! Ефима мы все знаем. Ох, и болтушка же он, и голова забубенная!

Все смеются. Ефим дурачится и делает гримасы.

Гармонья его во всем колхозе слышна. Ровно только и дела у него — на гармонье играть. Играть да за девками плятаться.

Г о л о с. Это он не откинёт.

Е ф и м. И ни одна не плачет.

Г о л о с. Может, и плачет, да никому не говорит.

Е ф и м (смеясь). Это не считается, раз голосу не слышно.

Х о з я и н о в. Когда он, сапоги со скрипом, и молотилки, и косилки делает, и лошадей куёт, и колеса обтягивает, того и не поймешь. А ведь делает, ребята?

В с е (хором). Делает. Хорошо делает.

Х о з я и н о в. Третье лето всё у него в исправности. До срока в исправности. Мы ему подарочек за это и заготовили, может, и не больно знатен, потрепанной да старой, а лучшего не сыскали. (Хитро.) Новой-то доротоват. Мы подешевше.

Г о л о с (в общем смехе). Это вы знаете! Это вы не пронесете! Нацёт экономии вы мастера!

Х о з я и н о в. Э, да ведь честь — главное дело. Ныне в колхозе у нас, товарищи, урожай. Богатым не бывать, не лицо богатому быть, а зажиточному отчего бы! Зажиток — оно не плохо, ребята? А?

В с е (хором). Думаем, каждый не откинёт!

Х о з я и н о в. Ефимка, ежели пожелает, на свои трудные купит какой хочет гостинец. Одариваем тебя, Ефим...

Костычев и Маркелов, сторонясь от народа, развязывают подарок под пиджаком.

...заместо твоей пиликалки настоящим баяном. На, Ефим! (Протягивает Ефиму баян.)

В с е (неистово). Урра! Урра! Урра!

Крики. Шум. Хлопанье в ладоши. Ефим расцвел. Руки у него от волнения трясутся. Он, как любопытное дитя, молниеносно осматривает баян.

В а с и л и й. Это ему ровно жена.

А л е н у ш к а. Ну, держись, девки.

Марья. Теперь всему колхозу не спать. Так все плясать и будут в досужливое время.

Иван (хохоча). Вот так бабушку поднесли нашему ящичику! Здорово! Плакали девушки — никого не возьмет замуж: подруга навсегда спит на лавке в путовках-клапанах, без рук, без ног, а с нежным голосом.

Все. Урра! Урра! Качать Хозяинова, качать Марьятова! Костычева качать!

Хватают и попеременно качают. Потом всех вместе.

Голос. Ефимку-то, Ефимку-то в первую голову надобно! Его и баяна!

Качают вместе с баяном. Ефим взлетает высоко, бережливо прижимает гармонию к груди. Все хохочут.

Голос. Гляди, гляди, подружку-то оберегает! Ха-ха!

Хозяинов. Качай всех ударников! Всех качай! Весь колхоз! Один лучше, другой похуже, а любого из десятка не выкинешь!

Качают Марью. Она уморительно держит платье и завизгивает. Качают Ружейникова. Он лежит недвижимым пластом. Качают всех, в том числе и Василия. Пауза. Ефим сел на стул. Пробует баян. Бегут пальцы по планкам.

Ефим (бахвалясь). Ровно бы струмент незнаком? Отпробовать разве? (Грянул песню Демьяна Бедного: «Как родная меня мать провожала, тут и вся моя семья набежала...»)

Мотив подхватили. Воодушевленно пропели несколько куплетов. Мгновенно Ефим оборвал и перешел на «Камаринского». В пляс пошли Марья, Петр, Аленушка, Ружейников.

Через некоторое время врывается Орина и оставляет дверь настежь. Орина безумно поводит глазами, жмурится от света, мгно-вение стоит на пороге.

Орина (громко, с надрывом). Машка пляшет! Машка, потаскуха-ударница! Так вот же ей и от меня ласка! (Кидается на Марью. Бьет ее. Таскает за волосы.)

Все ошеломлены. Ефим спутался и оборвал, сунул гармонию на пол и очумело вскочил.

Орина. Грoвила «убью» и... убью! (*Выхватывает из-за пазухи финский нож и ударяет Марью.*) Мос она сердце разбила... разбила... Проткнула... хуже ножа... Я ее проткнула позже ножом...

Криви. Визг. Суетня. Часть девок и баб в страхе вскочили на лавки. Режут. Бессмысленно машут руками. Ребятишки полезли под лавки.

На сцене содом.

Маркелов, Петр, Иван, Аленушка, Ефим кинулись на Орину. Марья, зажимая плечо, охнула, шатается.

В с е. Убила! Убила!

К о л ь к а (*зарывав и кидаясь к ней*). Ма-а-мка!

Марья валится. Ее поддерживают. Перенесут на лавку. Бабы рвут на ней кофточку.

Петр (*вырвав нож у Орипы и замахиваясь на нее*). Вот где мой нож оказался! Ты — Машку, а я тебя, па-скуду!

Орина (*отбиваясь от держащих ее Хозяинова, Ефима, Ивана и других*). Ударь! Убей! Мне легче станет!

Маркелов бьет по руке Петра. Они борются. Маркелов вывертывает руку Петра, отнимает у него нож и сует к себе в карман.

Маркелов (*резко кричит*). Спятил, товарищ! Что, вы друг друга свежевать будете?

Петр бежит к жене, неистово расталкивая народ.

Петр (*опускаясь на колени у лавки, отчаянно*). Марьюшка, Марьюшка!

Марья (*повертываясь к нему и усмехаясь*). Ничего, Петенька, ничего, милой, Орина меня в плечо... Я сама виновата... закричала... испугала тебя... всех испугала понапрасну... Вот я сяду сейчас... (*Садится*.)

В настежь открытых дверях откуда-то взялись старухи, старики. В толпе Федосья с опущенным на глаза платком.

Орина (*смотря на Марью, рвется из рук держащих. Слова ее беспомощны и часто прерываются слезами*). Все, все на меня! И никто за меня не скажет словечка! Ох,

люди добрые, а мне-то каково? Я ведь... я ведь... на своем веку... муху жалела... А меня Петруха и Машка не пожалели... Машка мне свет закрыла... Ровно сеточка у меня темная на глазах... Солнца я не вижу... И будто солнышко больше не светит на меня... В избе-то я своей, как старуха, одна... *(Приходя в неистовство.)* Моим счастьем завладела Машка! Я должна на ее счастье радоваться? А? А скажите вы все, кто тут прав, кто виноват? Машка, как воровка, прокралась ко мне в избу и... обобрала, и обобрала меня дочиста! *(Бьется в рыданиях, ноги у нее подкашиваются.)*

Орину опускают на пол.

Марья *(страдая, расслабленным голосом)*. Оринка, я ж и сама не рада. Прости, ежели можешь. Мне самой такое счастье не сладко... Ровно мне его посулили и... отымают взад, отымают взад... *(Легко всплакнула.)* И никто не виноват ни в чем. Ни Петр, ни ты, ни я...

Василий *(подходя к Орине и ласково тыча ее в горб)*. Ну, и почто, почто так-то сделала? Что хорошего? Будто бы и за нас ты, будто бы и за Ивана отомщаешь, а нам — и мне и Ивану *(сыну)* — верно, Ванька? — тошно глядеть на такое дело...

Иван *(помолчав)*. Тошно...

Василий. Хорошо — так обошлось... без большой крови... Эх, ты! *(Гладит ее по голове.)* Эх ты, мокрая курица! Не реви теперь понапрасну, а смекни, смекни... Зря распалилась. Нынче, Ориша, зло на добро поворачивать надобно... Так-то лучше...

Колька *(плача, громко)*. Мамка, Орину бабушка научила... Я слышал. Бабушка-то тебя, мамка, ругает-ругает, на чем свет стоит. И меня-то из-за тебя всего изругала. Ты, — говорит, — Колька, такую мать позабудь... она тебя бросила *(воет в голос)* и отца бросила... променяла вас на полюбовника... Бабушка, мамка, не велит мне к тебе и в гости ходить... Она за Орину горой...

Иван *(недовольно)*. Чего ты тут? Къшь! Разболтался. Тебя не спрашивают!

Марья (обнимая сына). Помолчи, помолчи, Колька. Не суйся.

Василий (расстроено и беспокожно). Это не ладно, это не ладно, внук, не ладно... Бабушка и худа, а она... гово... гово... бабушка.

Орина (громко воя). Никто меня не учил... Я одна... Я сама не маленькая. Я владела, владела собой, да и не совладела. (Грозит кулаками и кричит.) Не прошу! Не прошу тебя, Машка! Не хочу сухой из воды вылезать! Берите меня! Наказывайте! А не возьмете — я ее подстегу! Я ей вымещу мою злобушку!

Общее движение и возмущение, выражающееся в неопределенном говоре, шуме, в движении на месте.

Хозяинов. Вот это уж и никуда не годится. Ну, побранились и... ровно бы прояснело... И помирились бы навсегда... Одна одну обидела — и хватит. Глядишь, всё напополам и разделили...

Петр (кидается к Орине. Угрожающе). Попробуй! (Рвет на себе пиджак.) Жизни не пожалео! Прочучу тебя! На кусочки разорву!

Маркелов (удерживая его). Постыдись, Скрипицын, что ты, право, развоевался. Перестань. Одна — угрозы, другой — угрозы, третий — угрозы. Надо же конец этому положить. Этак весь колхоз придется перевести в драчунов. Кто за Орину, кто за Марью. Не ровен час, всеобщее побоище устроите? Что вы, товарищи, разошлись? (Насмешливо.) Друг друга перебьете, придется нам в Семигорье переселенцев звать.

Орина (плача и ломая руки). Я ли его не любила? Я ли с ним по-хорошему не жила? Скажи, Петруха, не правда? Скажи, завидующая душа, чем, чем меня Машка лучше? Почто на нее польстился? Чем тебя она приворожила?

Петр (горячо). Всем, всем лучше! Разлюбил тебя — и ладно! И отвяжись от нас! Я тебе не мешаю: кого хочешь люби! (Издвательно, ломаясь.) Люби и меня, ежели... не наскучило!

Орина (*кричит*). Не наскучило, не наскучило! Я тебя еще больше люблю на свою несчастную головушку! ~~Слышишь?~~ (*Угрожающе*.) Я тебя не отдам! Не отдам никому! Решила! Машка тебя у меня на поддержанье взяла! ~~Отыду!~~ А то ни мне, ни ей не достанешься!

Общее возмущение. Бабы плюются. Девушки отворачиваются ~~и~~ закрывают лица платками. Ребята глупо смеются.

Петр (*раздраженно, ко всем*). Слышите, товарищи, прозит обоим нам с Машкой жизнь положить?

Орина. Убью! Изведу обоих! Эй, Маркелов, при всех говорю, записывай! Ты меня на заметку брал? Что получил? Ничего. Нынче ножик у меня отняли, вдругорядь умней буду, ловчей буду! (*Неожиданно вскакивает*.) Так и знай, Машка! (*Размахивает руками и старается подобраться к ней*.) Пустите, пустите меня к ней!

Ее держат.

Я ее руками задушу! Я глаза ей выщаралаю! Я горло ей, подлюге, перекушу! (*Яростно топает ногами*.) Я собакой из-за нее стану! Я кусаться начну! Пустите же! (*Слабее*.)

Хозяинов (*ударил о пол шапкой*). Эх, дура, сумасшедшая баба! Костычев, Ефимка, Иван, ребята, девки, вяжите ее! Не в разуме Орина. Ее надобно на запор. Оставьте ее — она натворит делов, — волоса потом на себе станет рвать, а не поправишь. Добро сама не понимает, научим понимать. Что это такое? В такой праздник в колхозе и на тебе — едва не смертоубийство промеж колхозников!? Где тут у нас веревочка! Бежи кто-нибудь домой за супонью, кто ближе живет!

Костычев (*снимая с брюк ремень*). Не надо бегать. Мы ее сырмятным. Я штаны стану рукой поддерживать. Может, не свалятся до дому.

Орина отбивается. Ей связывают назад руки.

Маркелов (*стоя против нее и качая головой. Полунасмешливо-серьезно*). Любит — не любит? Ты ищешь, Орина, ответа по старинке. Раньше баба была в загоне,

ты теперь мужика загнать хочешь? Не выйдет! Любит — не любит! Сказал — разлюбил; чего ты хочешь? Все равные. Ты мужа потеряла. Иван потерял жену. Петру и Марье, думаешь, легко? Не-е-т, не легко! Всем тяжело. Но это пока. Начинайте строить заново свою жизнь. Ветер, пощипывая, ветер, буря налетели. У нас еще нет умения от таких ветров и от таких бурь предохранять людей. Ваши ссоры, драки, убийства, Орина, — старенькое, гнилое, скверное... Нельзя. Нельзя под новый строй, под новые порядки подкапываться. Не дадим, Орина. Не я. Все не дадим. Подумай, ведь мальчонка Колька правильно сказал: за тебя одна Федосья. Может быть, еще кто-нибудь притаился и сочувствует тебе тайно, но потому он и прячется, что ему стыдно свое старое лицо нам показать. Не одобрим, Орина, не одобрим! Прямо говорю. Федосья не в счет. Ту старость заела. И ты и она не понимаете, что вы делаете. Вы свои, а поступаете, как чужие. Тебе, Орина, втайне сочувствуют недобитые нами кулаки. Этим твоё озорство на руку. У этих глаза маслятся от удовольствия. Всякий разлад в нашей семье им на пользу. Пойми, Орина, ты своим поведением служишь заклятым врагам советской власти. *(Усмехается.)* Ты мне вызов бросила? Смеешься надо мной? На заметку я тебя, говоришь, брал? Брал. *(Громко.)* Я на чувства твои не посмотрю! Вот мы сейчас проверим... *(Всем.)* Товарищи, развязать ее, отпустить — и дело... *(опускает ладонь к полу)* и дело затушить? Да? Так лучше? Сору из избы не выносить?

Пауза.

Маркелов. Ну, кто первый? Говори!

Василий *(махнув рукой)*. Лиха беда — начин. Малость подержать и отпустить...

Петр. Это как же? Она и не знает что сделает...

Орина *(торжествуя)*. А! Перепугался! В кусты побежал! Защиты просит для своей Машки! Баба страху нагнала! *(Неприятно смеется.)* У мужиков, видно, тоже испуг бывает! Ха-ха!

Марья *(прикрывая рукой рану, встала, подходит к*

Орине, долго смотрит на нее, энергично). А я б тебя развязала, дала б тебе пинка под зад и выгнала тебя вон с нашего праздника. Ты здесь не ко двору. (Грозит.) Я тебя не боюсь. Я думала, ты в самом деле от тоски да от печали на меня лезешь, не понимаешь, что делаешь, а ты, вижу, — от обиды, от зависти ко мне, от полного твоего рассудка. Не боюсь тебя! Отойди от меня, а то сдача дам. Товарищ Маркелов, плюнь на нее. Пускай дома одна в избе бесится. Я от нее ухоронюсь. Прежде была поговорка: чужого мужа полюбить — себя погубить. Не погублю! Ручаюсь!

Орина (кидаясь к ней и стараясь пнуть ее ногой). Достану, достану тебя!

Марья (отгаливая). Руки коротки! Я тебя больше к себе на шаг не подпущу. Я от тебя, как от шавки, камень возьму в руку...

Маркелов. Я будто бы один остался... Вы, товарищи, за нее просите, а сама она молчит. Нет, товарищи, так нельзя. Тут я наперекор всем. Никто не может убивать гражданина безнаказанно... или покушаться на него. Это еще что за самоуправство? Любит — не любит! Мы тебя, Орина, проучим. Ведите ее на ночь в контору колхоза и запирайте там. Завтра мы ее отправим куда следует.

Общее движение. Все нарастающий шопот. Вдыхают...

Ефим (приготавливая гармонию, которую быстро поднял с полу, балагурски). Марш, что ль, товарищ Маркелов?

Маркелов. Хоть ты, Ефим-балагур, и первый у нас ударник, а сейчас (разводя руками) ты — просто дурак!

Все смеются. Ефим от неожиданности раскрыл рот, выпустил из одной руки гармонию; гармонь, нестройно заплакав, вытянулась длинным голенищем.

Василий. Хе-хе, Ефимушка, не во-время пошутил. Гляди, как оно не хорошо от лишнего усердия вперед забегать. Через край нальешь, через край и пойдет.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обстановка второго действия.

Федосья (*разгневанно, бродя по избе*). Ни на что нет! Медведи неповоротливые. Сорок штук свиней уморили. Чего проще за свиньей ходить. Самое простое животное на свете. Так нет... свинью ровно и не уморишь... уморили. Хозяинов-то, Маркелов-то, наши-то толстопые, — к каждому слову: «колхоз», «колхоз», а со свиньями управиться не могут! (*Плачет.*) Зараза откуда-то к поросяточкам прилипла. От колхозных свиней и наша парочка (*всхлипывает*) померла... Родненькие!.. ножки вытянули... и эдак мордочки-то востренькие... пяточок-то, пяточок-то... Ой! (*Рыдает.*) Бездыханны... бездыханны, голубчики! Одна я жалею... и своих, и колхозных. Я бы за всеми свиньями в колхозе сглядела... Дай мне их на попечение. И никому бы не было изъяна...

Пауза. Федосья вытирает глаза фартуком. Где-то стукнула дверь. Федосья настороженно прислушалась и подбежала к окну.

Федосья (*вглядываясь и всплескивая руками*). Батюшки! (*Визгливо и обрадованно.*) Да это что! Будто у Орины дверка отворена? Да уж не воротилась ли, матушка моя, из тюрьмы? (*Вся в движении.*) О, вышла! Она! (*Кричит.*) Орина, Оринка, Оринушка!

Орина (глухо издали). Сейчас, Федосья Митрофановна, сейчас! С избой управилась. Окошки вот вытолкну. Кажись, вся изба протухла. Ровно не полгода, а сто годов не жила в избе.

Федосья. Да неужто полгода не видались?

Орина (под самым окном). Полгода и две недели.

Федосья. Иди, иди скорей! Ишь ты, золотая ступень, не торопишься!

Входит Орина. Крепко обнялись. Федосья поплакала. Орина серьезна и снисходительна. Уселись в переднем углу.

Орина. Живете? Ничего живете?

Федосья (жалуясь). Какое там! Не жизнь, а путница. (Тихонько плачет.) Слышала, поросята дохнут? И колхозны и наши.

Орина. Слышала. Значит, мор. Не впервой мор. Бывало и раньше.

Федосья. Какой там мор! (Живо.) Это господь бог колхоз не благословляет. Куры дохнут, свиньи дохнут, лонись лошади дохли, на Введенье в обчужительной столовке восьмеро мужиков и баб отравили... В городок-то послали пищу, а оттуда бумага: мышьяк-де в каше был. (Таинственно.) Петруху-то и Машку-то пятеро суток ломало... Едва отлягались.. (Еще более таинственно.) Я, Оринушка, о тебе тогда вспомянула. За ее, думаю, за Орину, да за моего Ваньку с Колькой наказывает блудилок. Ра-стоптали жизнь у бабы и самую ее упекли под замо́к. По-дохли бы! А вот мститель, добрый человек, и нашелся.

Орина (испуганно). Что ты, бабушка Федосья. Пускай живут на здоровье. Я зла не помню. Мне б его не помнили. Кто кому больше зла сделал, нечего и взвешивать. Я, а не мне. Какая беда была с Машкой да с Перухой! Ой, ой! Это сволочи кулаки мышьяк подбросили. Они, они, больше некому! Так-то по многим колхозам они делают. Я в городе про многое узнала, о чем раньше было и невдомек.

Федосья (недовольно отодвигаясь). Тюремны-то хлеба тебе в прок, что ль, пошли?

Орина. Не хлеба, а думки. С исподу жизнь свою продумала.

Федосья. Вот она какая полезная, решетка-то. Люди-то ее чураются, а тут, видишь, благодать на душу спускается.

Орина. Видно, через решетку себя видней.

Федосья. Ай да не подменили ли тебя в городе, Орина?

Орина. Гляди, будто настоящая Орина оринистая...

Федосья. ...оринистая... Так это что же случилось с тобой? Мучили тебя там? Надзиратели мучили? Разум у тебя отбили? Простила?

Орина *(смеется)*. Никто не мучил. *(Задумчиво.)* И прощать, Федосья Митрофановна, нечего. Не только помирились, а как ночью пришла и в избушке своей всплакнула, так едва свету дождалась: Машку страсть надобно видеть...

Федосья. Машку? Супротивницу? Обидчицу? Обворожила она тебя, что ль? Машка-злодейка — и первый друг?

Орина. Друг не друг, а пришла я... мы эдак поглядели одна на другую сысскоса и... поцеловались... И, обнявшись, поплакали и посидели...

Федосья *(ерзая на месте)*. Тьфу!

Орина *(ласково усмехаясь)*. Машка мне рубчик на плече показала от ножа-то моего... *(Закрывая глаза рукой.)* Так и мне стыдно, совестно подумать, что я наделала!

Федосья *(недовольно разводя руками)*. Ну, это и ни на что не походит! Нет, вас всех коммунисты оманули... оманули... Должно, у них приворотной корень есть. Не иначе через хлеб выдают. *(Таинственно, обрадованная своему предположению.)* А что ты, Орина, думаешь: может, Маркелову да Хозяинову корень в порошках даден. В колхозе летось, без тебя, перед яровыми муку б колхозникам давать, а мука-то... тысяча пудов... брак. Никто и не знал, кто и откуда в амбарушку проник и отравной солью побрызгал. Так таки тысячу пудов и велели из города сжечь аль зарыть и скотине не давать. Кто в рот

мучинку возьмет, у того язык, язык вываливается из роту на сторону, и прочернеет человек, ровно уголь и... пар вон. Может, это Хозяинов с Маркеловым не тот порошок высыпали?!

Орина. Ты, Федосья Митрофановна, стала здесь легковёрная. Какое наказание: тысяча пудов хлеба! И мышьяк в столовке, и отравы в амбаре, и поросята дохнут, и лошади. Это неспроста... (Таинственно.) Они, они!..

Федосья. Кто они?

Орина. Кулаки.

Федосья. Да и кулаков-то давно нету во всей округе... Буди подкулачники?

Орина. Они, проклятые. Что кулак, что подкулачник. Они в такой личине середь нас живут, не сразу откроешь. Будто свой из своих, ан спит и видит горе бы накликать на колхозы. Хлеб в скирдах жгут, сеновалы палит, всякие строения, машины портят... Прозевай ревнивый к колхозу мужик, не остерегись в лесу да в поле, и вилы в бок всунут. А ты на Хозяинова с Маркеловым... Промеж нас змея подколодная ползёт... Враг...

Федосья. Змея?

Орина. Змея.

Федосья. Враг?

Орина. Враг.

Федосья. Неужто это правда? Другой бы не поверила, а тебя знаю: не сорока ты стрекотуха. Это как же колхоз зорить? И худо в нем делают, а свои ж мужики... не бариньё, не помещики. Голь-то там наша...

Орина. То-то, Федосья Митрофановна, я и говорю. У тебя затменьё против колхоза.

Федосья. Затменьё? Ты говоришь, затменьё? Может и верно. Свои-то дураки тоже мне твердят. (Задумалась.)

Пауза.

Орина. Помнишь, год назад Ванька Свистунов попался Хозяинову да Костыгчеву? Сеновалы-то подпалил да лошадей пилом подкалывал? Не поймай его — наделал бы бед.

Федосья. Помню. А без тебя, Оринushка, Маркелка пятерых семигорских колхозников выловил. Мужики ажнули... Сперва не поверили, а они, глядишь, задумали Хозяинова прикончить. И за что бы? Хозяинов бригадира Чуркина накрыл: тот стакнулся с ними, подлецами, и трудодни им приписывал. Артель-то оказалась в дружбе с булгахтером. А булгахтер-то прищлой. Маркелка егò замёл и в город. Там у булгахтера концы и туда и сюда. Фамилия оказалась другая, и званье, и ремесло... Будто из больших купчиков... Раньше в Москве одеждой торговал...

Орина. Видно, кой-кого надобно снова искать в колхозе. Не то где-нибудь возле. Ничего, найдут. И Маркелов зряч, и Хозяинов не в очках... Ой, ой, как им, Федосья Митрофановна, трудно за всем глядеть! По виду благополучно, а заботы по колхозу закрómá!

Федосья. Закрómá... О злодеях-то кулаках я не спрю, а ведь твое дело другое...

Пауза.

Федосья (с затасной злостью). И ты, и Ванька, и... все вы какие-то порченые... (Горячо.) Как это обиду от обидчицы снести? Виданое ли дело? Да ее б, Машку-то, искалечить... (Заговорщически.) На виду нельзя... наказывают... эдак исподтишка, исподтишка ее, бесстыжую...

Пауза.

Орина (вздыхнув, радостно). А я, бабушка, как рада! Опять середь своих деревенских! (Задумывается.) Я стихла вся, Федосья Митрофановна. Может, я и счастье увижу. Найду счастье покрепче, какое у меня из рук вывалилось.

Федосья (холодно). Не шутка. Что это счастье-то на дороге валяется?

Орина. Да, да, я опять средь своих деревенских! (С горечью.) В тюрьму как меня заключили, все обо мне и позабыли. Ты тоже, Федосья Митрофановна, позабыла.

Федосья (зло). Я тоже. Я думала, ты и не выйдешь. Законопатели бабу, кажут бабочке. (Ядовито.) Думаю,

устыдитесь к себе на деревню воротиться. Как-никак арестантка. Ан не устыдилась. С меня уж не взыщи, со старухи. Я это и по своей нуждишке в городу за семь десятков без малого три раза бывала. Тьфу! И не бывать бы! В последний раз, годов сорок тому будет, вышла я за городок на наш трахт, оглянулась и плюнула позадь себя...

Орина. А там жизнь чистая... Так бы и жить, на город гляючи. Ныне что они, что мы — одно. *(Смеется.)* Меня один Маркелов не забыл.

Федосья *(удивленно придвигаясь)*. Да ну-у?..

Орина. Ей-богу. Разов пять за полгода в тюремную контору звали Маркелова глядеть.

Федосья. Увещевал? Сам бабу закатал под решотку. да видишь — мало. И под решоткой на ум наставлял?

Орина. Совсем не так. И не вспомянули. А все меня Маркелов смещил... Развеселить хотел.

Федосья *(всплеснув руками)*. Хорош молодец! Это в тюрьме-то веселье? Да что он ум-то потерял? В тюрьме да и смех заместо слез?

Орина. Там, Федосья Митрофановна, ей-ей, не запрещают смеяться людям. Люди-то, ежели смешно, и смеются.

Федосья. Что он тебе гостинцы возил?

Орина. Возил. Спасибо ему. Забежит на минутку, легче мне станет. Забежит и опять в угон по своим делам.

Вдали слышна гармонья.

Федосья. Так, так... Ты это тоже... *(Делает в воздухе пальцем маленькие кружки.)* Ветром тебя несет по той же дорожке, будто сухую травинку. Может... хе-хе... в Маркелихи захотела?

Орина. Нет, об этом я не помышляю. У него своя жена есть.

Федосья. Ты тоже была жена. Была, да спьяла.

Орина. Не всем так. *(Грустно.)* А только от одного его тепло видела...

Гармонья слышна ближе.

Федосья. Тьфу! Побил и похвалил! *(Хватаясь за го-*

лову.) Что, что вокруг нас прешных дестея? Н-ну, Орина, ты и насидела ума за решеткой. Завидки, завидки!

Гармония в сенях. Голоса. Шум. Входят навеселе Иван, Василий, Хозяинов, Костычев, Ефим.

Иван (пошатываясь и размахивая руками). А ну, здорово, родная мамаша! Принимай гостей! Ефим, играй!

Ефим играет частушки.

Плящи, отец! Все плящите! В удовольствие мне пляска! (Неловко топается.)

Федосья. Плакать надо, а он — в пляс.

Иван. Пла-а-ка-ть? Это почто же? Аль мы не плакали ране? Шалишь! Будет! (Видит Орину.) Оринка, свет! (Всем.) Оринка! Тюремная Оринка здесь! Ха-ха! (Бросаясь к ней.) Облобызаемся, облобызаемся! С приездом, соседушка, с приездом! На своем двоём аль на лошадке! Ха-ха!

Все кричат. Oriна переходит из рук в руки. Со всеми целуется. Ефим старается изо всех сил, наигрывая «Марш Буденного».

Орина. Вижу, в колхоз примете.

Все. Примем, примем!

Хозяинов. Всякие сумленья брось. (Обнимает Орину.) Oriна — мать солдатская, ты, миленок, теперь у нас овечка...

Ефим. Незамужняя? Из города хвоста не привела? Нет? Женюсь! (Хохочет.)

Иван (тиская в объятиях Орину). Это он по зубоскальству, а я, Oriна, в самом деле женюсь.

Василий. Истинно женится!

Иван (растолкав всех, стоит по середине избы, громко). Кончено бобылить! Мы тоже не лыком шиты. Я на бабьей руке желаю горе свое размыкать.

Федосья. Размыкал ты, пьяная рожа, на одной бабьей рученьке беду себе.

Иван. Цыц, дорогая маменька! (Шутливо обнимает ее.) Ныне я, Федосья Митрофановна, без спросу, без спросу твоего женюсь.

Федосья отталкивает его.

Брыкайся, брыкайся, не поможет!

В а с и л и й. Мы, матка, со сговору идем. Кончено. Сговорили. Пропили Ваньку вдругорядь. Оттого и по черепушечке опрокинули. На радостях. *(Пьет из кулака, прикладывая его ко рту и запрокидывая голову.)*

Ф е д о с ь я. *(яростно бросаясь и трепля мужа за бороду).* И ты с ними заодно? И ты потешаться надо мной? *(Водит Василия за бороду.)*

Василий мычит и придерживает старуху за руку.

В а с и л и й *(идя за ней и отбиваясь).* О, смола! О, кипячая смола! Рви! Вырывай! Ненадобна мне борода ныне! Молодым сделаешь! Кланяться тебе буду и б-б-благодарить!

И в а н *(схватил мать за руки и отнял старика. Хохочет).* Хозяинов, видишь, как колхозных старичков хозяйки по избам обижают?

Х о з я и н о в. Не поддавайся! И бород не носи. Тогда не за что и ухватиться.

Ф е д о с ь я *(наступая на сына).* На ком женишься, полонумный?

И в а н. На колхозной сторожихе Афанасье, Федосья Митрофановна. Прошу любить и жаловать.

Ф е д о с ь я *(отступая).* С нами нечистая сила! На этой? *(Дальше отступая.)* Третий раз... третьего дурака подцепила... На этой... таскушке? *(Бегает по избе в бессильной ярости.)*

И в а н *(топает ногами и вопит).* Стой, старуха! Отчего это у тебя все бабы на свете таскушки? Все бабы с изъязненной? Ты, значит, сама?.. Ты не смей мою вторую жену...

В а с и л и й *(подхватывая).* Мы тебя... раскулачим! Правильно говорю, Хозяинов?

Хозяинов, Костычев, Ефим, держась за животы, хохочут.

Мы тебя раскулачим за вредный язык! В Соловецкий монастырь отошлем богу молиться... Ха-ха! Слышала? Мы с Ванькой на тебя. Подарствовала! Помытарила нас! И... мы *(визжит)* рассердились с Ванькой...

Федосья *(не слушая)*. Вон, вон! На порог не пушу. Одна убежала, другая по крылечку вабирается! Да что у нас изба—постоялый двор для дурных баб. Я — помелом! Я скалкой такую конопатую сношеньку!

Хозяинов. Товарищ Федосья, не моги. Афанасья — колхозница первой категории. За председателя может любого колхозника принять. И растолкует лучше не надо. Афанасью Маркелов слушает. Рассудительная колхозница.

Федосья. Пускай! Пускай! Хвали, нахваливай без толку. У вас все хороши, на ком сами не женитесь. Окрутили, обошли моего кислугубого сынка. Не пушу! Моя изба. Пускай на поле живут... под скирдой... под стогом... в шалашике! Отрекаюсь от такого сына!

Иван *(стучит кулаком по столу)*. Быть по сему, мамаша! Слово не воробей: вылетит — не поймаешь. Согласен. Твоя изба. Оставайсь. Живи одна.

Василий. Одна-одинешенька!

Иван. Даю согласие на развод с матерью. *(Поддразнивая)*. Что взяла? Ты думаешь, квартиры я не съезду в колхозе? Ха-ха! Ошибку делаешь. *(Умильно.)* У Афанасьи в обчежитии каморочка есть...

Хозяинов. Плоха, а каморочка.

Иван. А двоим беднякам-колхозникам избу дашь?

Хозяинов. Мы, Федосья Митрофановна, за наших колхозничков жизнь положим. *(Кричит.)* Даю, товарищ Переходов! *(Бьет себя в грудь.)* Я, Хозяинов, председатель колхоза «Семигорье», скупил у колхоза Пушкиарево дом кулацкий... *(Горделиво.)* Двухжильный домина! Мы его... хе-хе... на катки... хе... хе... по бревнышку... и... перевозем. Всем беднякам кров! Четыре избы из одного кулацкого дома скрою.

Иван *(бросаясь на шею к Хозяинову)*. Председатель, пиши ордерок! Сию минуту пиши ордерок!

Хозяинов *(недовольно отступая)*. Почто сию минуту? Успеешь.

Иван. Не успеешь! А сию минуту, сию минуту!

Федосья *(язвительно)*. Ордерочки-то только на уме, а не на деле. А ну как дом-то в Пушкиарево сторит? Ха-ха!

Ноготочки-то, ноготочки не позабудьте у медведя разделить! Неровно медведь, по полю бежучи, сам сломает ноготочки...

Иван (не отставая от Хозяинова). Пиши! Ефимка, разведи гармонь на все боры во славу Хозяинову. Вдарь во все твои клапаны!

Ефим. А поехали, так поехали! (Почему-то играет «Вниз по матушке по Волге».)

Иван (тащит Хозяинова к столу. Торопливо отцу). Отец, тащи эту бумагу! (Показывает на плакат на стенке.) Костычев, карандашная душа, давай пишущую!

Василий смаху рвет плакат, отгрызает кромку, сует.

Хозяинов (помешкав, недовольно садится к столу, резко вырывает подаваемый Костычевым карандаш, разглядывает бумагу и карандаш, лезет в карман). Это нешто бумага? (Швыряет на пол.) Не поверят: подделка! Печатная. А мы на курительной напишем. (Пишет.)

Все заглядывают.

Приходи завтра в контору. Афанасья и печать тебе поставит.

Федосья. Она ему, филе, одну печать поставила, поставит и другую...

Хозяинов. На! (Протягивает бумагу.)

Иван (хватая и тряся бумажкой, матерн). Видела?

Федосья (смешно приседая). С новосельем, дурак! Хозяинов тебе, может, и молебен отслужит?

Хозяинов. Отслужу. Мы можем. (Разглядывает Орину.) Оринка, а ты покуда бы в каморку к Афанасье, а молодым свою избу... А?

Орина (насторожась, после паузы). Ты тож холостой. Тебе из Афанасьиной каморки шаг до конторы ступить. Сподручно.

Костычев. Ха-ха! У Ваньки не то чтобы одна, а три кварталы.

Иван. Не надобно, ничьей мне не надобно кроме своей. Я свою желаю!

Федосья. Хозяинов, он непрочь чужими руками жар загребать. Оринушка, слышь: ласка — лаской, а под избу твою метят.

Орина. Никто не метит, Федосья Митрофановна. Не разогревай меня напрасно.

Федосья (*насмешливо*). Ай, ай! Не буду, не буду, тихонькая наша соседушка, я ведь и позабыла... ты нынече у Хозяинова — овечка. Стричь тебя можно. «Бэ-бэ» никто не услышит.

Иван. Отец, желаешь ко мне? Я тебе горницу отдам под горшки твои.

Целуются.

Милая моя борода, всамоделишний ты наш колхозничек!

Василий (*отчаянно маша рукой*). Иду с тобой! И Кольку уведем. Пушной живет исполу: половину у Машки, половину у нас! А бабушке — шиш! (*Показывает.*)

Федосья (*кидаясь на них с поднятыми кулаками*). У Машки? Кольку к Машке? Да лучше Кольке помереть, нежели к Машке! Она его научит уму-разуму! Да что это вы меня спьяна разыгрываете? Расшумелись и рассмелелись!

Иван. И стрезва и спьяна. Не касайся Машки. Никого не касайся! У нас нынче с Машкой да с Петрухой лен не делён. Машка и Петруха нам друзья закадышные. От них мы нынече с отцом... и все мы (*показывает*) пришли сюда. Там и сговор праздновали.

Федосья (*крестясь по ошибке вместо божницы на печку*). Тыфу! дьявол кружит, не туда крещусь, грешная! (*Поворачивается к божнице.*) Царица небесная, заступи! Покрой своим покровом избу мою и слепенького чадушка моего, и рехнувшегося старого сивого мерина, отца, от лютые напасти...

Иван (*с хохотом поднимая палец*). Матка, мы с Машкой из одной чарки пили.

Василий. Пили и трижды в губы. А я так и совсем плакал... навзрыд... от чувств... у Машки... (*Плачет.*)

Иван (*орет*). Прощено! Все прощено! Расти, трава молодая, на пожарище!

Хозяинов (хлопнув ладонью по столу). Трава ведь должна расти!

Иван (обнимая Орину). Оринка, ты у Машки тоже была. Оринка, ты за нас?

Орина. На мировую, так на мировую!

Входят Марья и Петр.

Иван. Вон они, дьяволы, на голос мой пришли! Ха-ха!

Марья. А мы гуляем и по деревне нынче ходим. Сперва к Орине, а у Орины забор, теперь сюда. Званы аль незваны?

Василий. Званы!

Иван. Званы!

Федосья отвернулась, молчит, тербит кромку кофточки.

Марья. Федосья Митрофановна...

Петр. Федосья Митрофановна...

Иван (потрясая ордером). Машка! Петра! А мне Хозяинов ордерок дал на кулацкую избу!

Хозяинов (поднимаясь, жадно протягивает руку). Ты это, Ванька, часто показываешь... Раззадориваешь... Может, после выдам?!

Все хохочут. Иван прячет ордер в карман. Вбегают Аленушка и Ружейников. Ружейников с мешком, в котором находится небольшой квадратный ящик. Мешок Ружейников положил в задний угол избы.

Василий. А во и другая пара женихов!

Федосья. Женихов?

Аленушка (подбегая к матери). Да, да, мама. Прощай! В полевой стаи от тебя уезжаю... К Ружейникову... На велисапедке уезжаю... На велисапедке к тебе буду в гости ездить.

Хозяинов (стуча себя по лбу пальцем, хвастливо). Мы это ничего! Смекаем! Мы Мишке за ударную работу, как он нам росточки у колосков промерял да пшеницу отборную научил собирать, велисапедку подарили. Ничего не пожалеем для хороших колхозников. И дорого дали за ве-

всапед, а не жалко! Далеко Мишке от полевого стану до Семигорья пешком ходить? Далеко. Ха-ха. Так езди, дорогой нам человечина! Ни за чем не стоим. А Машке да Петрухе мы полное крестьянское обзаведенье дадим! Ж-живите, ребята! Ефим, жарь правлению колхоза славу!

Ефим под общий хохот играет «Камаринского».

Федосья (*в испуге*). Свет валится... Во сне, что ль, я? На велисапедке... девушка деревенская... приехала... на дурацком тычке сидела, будто в штанах парень... Все Семигорье-то к окошкам побежало... Пальцы-то, пальцы-то так и суют на Федосьину полудурку... Ох-ти мне на старости лет позорище! Девки ныне под парней играют!

Аленушка. Здорово несет, мамка, на колесе. Мишка меня обучил...

Федосья (*раздраженно, вся двигаясь и сжимая кулаки*). Когда успел?

Аленушка. Дело не хитрое! Успел.

Иван (*хохочет*). Он и почище успел!

Все заливаются. Ружейников и Аленушка смущены.

Федосья. Что ты, безумный? Вино у тебя в голову вдарило?

Иван. Алена, сымай печати!

Аленушка. Да что тут мамашу оманывать! Мы, мать, с Мишкой совсем сладили.

Федосья (*крестясь*). Сладили?

Аленушка. Сладили и расписались...

Федосья (*подняла крест и застряла щепоткой пальцев на лбу*). Рас-пи-са-лись? А как же бондарь Яшка?

Общий хохот.

Аленушка. Бондарю Яшке, значит, не жениться на мне. Может, другая у тебя Алейка есть про запас?

Федосья (*убито*). Расписались без отца, без матери....

Василий. Нет, с отцом.

Хоряинов. Я свидетель.

Костычев. И я.

Ефим. И мы малость.

Федосья (в ярости). Не благословляю! Не благословляю! Так без моего благословения и живи! Знать не знаю! Знать не знаю. За дуру меня все посчитали! Омманом, омманом меня обошли! Надругались. (Плачет.) И сын, и дочь, и отец! Не благословляю! Яшке-бондарю обещала доченьку! Отродясь не омманывала? Каждое слово держала! (Топает ногами.) Нету моей воли, нету!

Василий. А мы, matka, без тебя Аленьку благословили. Мы с Ванькой, а за матку Машка!

Все смеются.

Иван. Нынче у Машки под один скрип две свадьбы.

Федосья (кричит Марье). Во-о-и, сводница! Во-он! Всех вокруг себя темной рукой обвела! (Бросается на Марью).

Иван и Аленька насильно сажают старуху на лавку и успокаивают. Около суетится Василий. Федосья подавленно плачет.

Василий (после паузы). Мать, а мать, а ведь в избе мы да стены остаются. (Глядя ее по спине, тепло.) Я-то от тебя никуда не денусь. Я в шутку сказывал. Куда мне идти от тебя, безмен ты мой испытанной! Ваньку ты гонишь, Аленьку в отлет... Непоправимо, мать, трава зелена растет... И никто ей не волен помешать...

Федосья (горько плачет). Совсем, совсем меня околпачили... Сиротой сделали... Вся деревня во все стороны разъезжается... Все нынче не по-нашему, не по-стариковски... И люди и звери... Поросятки мои подошли. (Плачет в голос.) П-п-поросяточки...

Хозяинов (точно проснулся). Поросята? Секретарь, давай карандаш! Я ей ордерок должен выдать на колхозного поросенка. Даве за Ивана да за Василья постановили... (Достает из кармана бумагу, отрывает кусочек, пишет и останавливается.) Так и на куренье не останется. (Показывает на пол, где валяется плакат.) Давай плакату!

Василий услужливо подает, оторвав чистый кривой доскуток.

Федосья (*оживая, не веря*). Поросенка дадут? Из колхоза поросенка дадут? Неужто дадут?

Хозяинов (*подмигивает всем и пишет, кончил, подает*). Получай. Не твоей падали чета: племенная чушка, от англичанки!

Федосья (*вертит ордер в руках, обводит всех глазами и безнадежно машет рукой*). А пропади вы все пропадом. Ничего я, старая, не понимаю... Кто кого оманывает... затменье... затменье... Верно, Орина, затменье... (*Ивану.*) Ванька, почто тебе от матери бежать?.. Веди ты свою рожу Афанасью... Я ей слова не скажу. Делайте, что хотите. Видно телегу повернуло с проселка на большую дорогу...

Все кохочут. Ефим грянул плясовую. Иван ходит в присядку.

Ружейников (*подбегая к своему мешку*). Это что, это что! Гармонью мы видывали. А вот у меня что есть? Я малость трудодни поиздержал. Да Маркелов мне задешево купил. Это нам с Аленкой в полевом стане разглушка по темным вечерам да по праздникам.

Аленушка (*смеясь*). То дите заорет, то музыкальная машинка.

Федосья (*в ужасе*). И дите уж есть, гулена?

Аленушка. Нет, но будет.

Ружейников (*вынув из мешка патефон, ставит на стол, заводит*). Беспременно будет! О, слушайте, слушайте!

Все смеются. Федосья смотрит вытаращенными глазами. Патефон исполняет пластинку: «Не велят Маше за реченьку ходить».

Некоторое время слушают. Под окном слышен звончок.

Аленушка (*высовываясь в окно*). Колька в колокольчик играет у велисапеда.

Федосья (*вдруг испуганно*). Прогони его, неровно сломает!

Ружейников (*с веселой похвальбой*). А пускай малец приучается. Я его тоже обучу ездить и колокольцы-звоночки поправлять. Я механик на это. Самоделка и но-

нешной. Из гвоздочка согнул язычок, а колпачок с дощечкой уды снял. Ха-ха! Поправим, всё поправим!

Стучат под окном дрожки. Слышно тирканье.

В а с и л и й (*высовываясь в окно*). Орина, у твоей избы Маркелов.

О р и н а (*радушно и горделиво*). Это он меня, должно, проведать... как в тюрьме навещал... заместо колхозников...

В а с и л и й. А мы его сюда позовем. (*Кричит.*) Товарищ начальник, Маркелов, твоя краля здесь, Орина здесь!

Все смеются, но Федосья плюнула и дернула старика за рукав.
Входит Маркелов.

М а р к е л о в (*здороваясь*). О, собирайце! Всем сразу наше вам! (*Видя Хозяинова.*) А я за тобой гонюсь. Говорят, ушел к Орине. Кстати и мне к Орине путь. (*Улыбается и кивает ей.*) Явилась?

О р и н а (*беспричинно смеясь*). Явилась.

М а р к е л о в. Ну, добре. (*Хозяинову.*) Эй, дядя, мне дозарезу надо десять телок. В колхозе «Красная грядя» постановили мы выдать лучшим работникам по телке на племя. Это для начала. Потом всем колхозникам дадим, у кого нет. Мясо мы прежде не берегли. Всё скотину на убой да на убой. Следует заново развести.

Х о з я и н о в. Есть. Уступлю.

М а р к е л о в (*потирая руки*). Знал, что не откажешь.

Х о з я и н о в (*гордо*). У нас ныне приплод ничего себе. Дохнут свиньи, растут телки. Нас не зажмешь. Кулаков на свете меньше, чем колхозников. Придавим. Телячьего приплода хватит и на свой колхоз и на другие.

Ф е д о с ь я (*запинаясь*). Товарищ... Хозяинов... нам бы... к поросеночку-то... телочку... телушечку... Товарищ Маркелов, похлопочи... Ванька с Васильем отработают...

Все смеются.

Х о з я и н о в (*насмешливо*). Ага! Разъело в носу. Нет,

старая, телушку даем не за троих колхозников, а за четверых сразу. И... за выслугу лет! Ха-ха!

Федосья глубоко задумалась.

А л е н у ш к а (*живо*). Товарищ Маркелов, а у нас сразу две свадьбы затеялись. У Ивана и моя.

М а р к е л о в. Красота! Поздравляю.

Ефим готовится гармонью.

Стой, стой, как бы опять некстати не разыгрался.

Е ф и м. Нынче вокурат как раз.

Х о з я и н о в (*посмеиваясь*). Федосья Митрофановна, а ведь дело-то за одной тобой. (*Маркелову*.) Помнишь, я тебе говорил... ребят бы нам потешить в школе сказками да песнями. Бабка у нас строгая, неуживчивая, зубастая... Лопни — не хочет. Может, а не хочет. Беднячка, а кулацкий у нее свет в глазах зажжен. Ослепили бедняка кулаки. Бывает.

М а р к е л о в. А и мы бы, Федосья Митрофановна, не отказались послушать на вечорках. На веселых зимних вечорках.

Пауза.

В а с и л и й. Федосья, уважь. Вспомняем молодые годы...

В с е. Федосья Митрофановна! Федосья Митрофановна!

Пауза.

Ф е д о с ь я (*быстро Хозяинову*). Помни, что сказал: телушку за четверых колхозников...

Х о з я и н о в. А и то я сказал, ежели заслужат... За выслугу лет...

Ф е д о с ь я (*усмехаясь*). Да уж плата б была... (*Стесняется и вдруг сразу сделалась сосредоточенной и нараспев запела*).

Ерема с Фомой были брательнички,

Они ладно живали, хорошо хаживали;

Ерема-то в рогожке, Фома в торнице.

У них бороды, как бороны, усы, как кнуты,

Они вздумали бородушки на торг везти:
Ерема взял полтину, Фома восемь алтын,
Ерема купил мерина, Фома — жеребца.
Еремин-то не тянет, Фомин-то не везет,
Ерема — в бок ножом, Фома шкуру на рожон...

(Закашлялась.) Это на пробу. Сорок годов постилась, не певала. Сперва вам, а... опосля... (Хозяину.) Ты с поросячком-то хотя бы не оманешь?

Хозяинов. Хрю, хрю... чушка, чушечка! (Чешет свое коленко.) Твоя!

Федосья (удовлетворенная). Сперва вам, а опосля соплюнам... мелкой челядишке в вашей... хи-хи... школе... (Осуждая, громко.) О, и дурни же завелись промеж мужиков!.. Хи-хи... за пустые побасенки да за древние былинки... ха-ха... телушками одаряют сказителей! Ха-ха!..

Все довольны. Кричат. Ефим тихонечко, все более расходясь, играет «Ваньку Ключника».

Ефим. Федосья Митрофановна, старые песни и мы знаем. Мы с тобой на гармонию положим песни твои. Хочешь на паях колхоз «Семигорье» смешить? Хочешь? Будет так. (Играет.)

Хозяинов. Урра! Урра! Припёрли, упекли таки последнюю бабушку из Семигорья! Может, еще и не раз и не два разны фортели выкинет, а упекли! И песни споет и сказки расскажет. Без песен да без сказок и жизнь не в жизнь! Вд как нынче у нас вышло складно, товарищи! (Общий крик и смех.)

Федосья. Тьфу! Может, еще и не вышло!

Хозяинов (на ходу). Вышло!

Федосья. Может, еще и покривится!

Маркелов. Покривится — выправим!

Занавес

Москва, 1933 г.

ПОЯСНЕНИЯ К ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ ДЛЯ РЕЖИССЕРОВ ДЕРЕВЕНСКИХ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ДРАМКРУЖКОВ

I

Любую пьесу можно рассматривать с различных точек зрения и при ее постановке подчеркивать, выделять то, что кажется важным и основным. Воздействуя таким образом на зрителя, режиссер может различно, подчас неверно и даже вредно, организовывать и направлять мысли и чувства зрителя.

Эта громадная ответственность режиссера усугубляется на самодеятельном деревенском театре еще тем, что зритель, не владея в достаточной степени критическим оружием и подчас не умея разобратся в своих впечатлениях, воспринимает спектакль крайне непосредственно.

Поэтому первой и основной задачей режиссера является тщательный разбор пьесы, отчетливое выяснение, что в ней является главным, что хотел ею сказать автор, для чего ставится эта пьеса в театре, что нужно данной постановкой сказать зрителю, куда направить его внимание.

Так, например, в данной пьесе можно увидеть, с одной стороны, повествование о том, как Марья ушла от Ивана к женатому Петру, и что из этого вышло. Благодаря крепко завязанному событию такой спектакль может заинтересовать зрителя даже при самом внешнем развертывании драматических положений. С другой стороны, благодаря тому, что пьеса написана в бодрых, жизнерадостных тонах, что

в ней благополучный конец, можно рассматривать ее как легкую комедию, заострив внимание зрителя на комедийных местах заглавной, ведущей роли Федосьи.

Может также случиться, что режиссер увидит в пьесе новое решение «проблемы» брака в духе полной свободы и легкости брачных отношений.

Все эти точки зрения на пьесу будут явно неверны, потому необходимо заранее предостеречь режиссера самостоятельного деревенского кружка от подобных ложных упрощенных путей, задачей которого является — дать здоровый и нужный советской деревне спектакль.

В пьесе вопрос о браке ставится автором лишь как пример одного из бесчисленных бытовых вопросов, выдвигаемых новой деревней, которые нужно решать по-новому. Возникающие любовные отношения, обуславливающие основное событие пьесы, для автора — факт. Это ветры и бури, которые одних сбивают вместе, других раскидывают в стороны. Ни предохранять людей от этих ветров и бурь, ни врачевать страдания, ими переносимые, мы еще не умеем, но знаем, что помочь делу по старинке нельзя, потому что жизнь стала иной, исчезли те экономические предпосылки индивидуального мелко-товарного хозяйства, которые определяли старый семейный быт с его ныне уже бессильными и бессмысленными законами.

Новое бытие определяет новое сознание.

Конечно, взаимоотношения между Иваном, Марьей, Петром и Ориной, составляющие ткань основного события, имеют очень большое значение в пьесе, являясь как бы осью разворачивающегося действия, однако темой пьесы являются не они, а общественно-экономические сдвиги, происшедшие в новой деревне: старое сознание неизбежно должно отмереть, — это и показывает автор в образе последней бабушки. Поэтому необходимо, отнюдь не смазывая сцен, составляющих стержень действия, постоянно помнить о теме пьесы, чтобы не лишить ее того глубокого социального содержания, которое позволяет зрителю за отдельными, единичными фактами пьесы видеть общее движение жизни и определенную направленность этого движения в сторону новой социалистической культуры.

Нелишним будет напомнить режиссеру и о той серьезности и осторожности, которых требует автор в отношении событий, происходящих в пьесе, когда он, устами Маркслова в 3-м действии, резко обры-

даст Ефима Булавина, упрощенно и легкомысленно сыгравшегося подытожить событие веселым, победоносным маршем.

Таким образом, пьеса Ив. Евдокимова должна быть отнесена к типу социально-бытовых комедий и постановочно разрешена в направлении социалистического реализма.

«По ухваткам еще мужики, но уже переродившиеся по труду своему», увидели, что свои бытовые дела они не могут разрешить ни в своей избе, ни даже у себя на задворках, «спромеж себя так, чтобы никому делов до этого не было». «Единоличное происшествие» на сегодняшний день становится делом общественным.

Пьеса должна заострить внимание зрителя на тех переменах, которые произошли уже и происходят в сознании людей новой деревни, но которые людям, занятым своим повседневным делом, своими мелкими жизненными заботами, подчас незаметны.

Нужно, чтобы зритель понял, что взгляды, нравы и убеждения людей неизбежно изменяются в новых условиях труда и быта, что старые, казалось бы уже прочно разрешенные вопросы приходится разрешать по-новому, причем разрешение их должно сопровождаться полной серьезностью и осторожностью подхода к ним.

С точки зрения этих задач воздействия на зрителя режиссер должен разобрать как всю пьесу, так и отдельные части ее (акты, сцены, куски), определить смысл, назначение и характер каждой из них.

Режиссер должен помнить, что в пьесе не все одинаково является главным и важным, и что каждый отдельный кусок пьесы имеет свое назначение и связь с последующим и предыдущим куском. Одни куски являются главными, ведущими, — их надо подчеркнуть, отчетливо, в мелочах, донести до зрителя; другие — подсобными, объединяющими, служащими для связи действия.

Режиссер должен внимательно разобрать значение каждого отдельного куска, правильно расставить на них ударения и определить темпы каждого из них. Только таким способом он сумеет действительно организовать внимание зрителя и направить его мысль в нужную сторону.

II

Переходя к характеристике действующих лиц пьесы, необходимо прежде всего отметить некоторую особенность выведенных автором сценических образов.

В полном художественном соответствии с темой и идеей пьесы, образы, при всей полноте их жизненности и правдивости, даны автором очень обобщенно, в том смысле, что лишены всяких внешних характерных житейских отличий и особенностей. Это самые обыкновенные, ничем не замечательные и не оригинальные люди, которых можно встретить в любом колхозе и подчас даже не заметить в общей массе. В них нет ни примечательных достоинств, ни примечательных недостатков, на которых стоило бы остановить особенное внимание. Задачей автора здесь было, не отвлекая зрителя и читателя на мелочи, на отдельные лица, сосредоточить его внимание на самом действии, обуславливающимся не столько свойствами их характеров, сколько теми политико-экономическими сдвигами, происшедшими в новой деревне, которые неизбежно отражаются в сознании людей, а следовательно, и в их поступках, хотят ли они того или не хотят, как это показано автором на примере последней бабушки.

Поэтому и режиссеру следует обратить внимание главным образом на жизненность и правдивость игры исполнителей, отнюдь не усложняя образы мелочами, внешними характеристиками и особенностями, которые могут только повредить художественной цельности спектакля.

Наибольший соблазн в этом отношении представляет роль бабушки Федосьи Митрофановны. Благодарная роль толкает режиссера выделить ее в пьесе как индивидуальный характер, как яркую и оригинальную личность.

Нетрудно видеть, что такое выделение (всегда в ущерб другим ролям) смазало бы социальную значительность образа, а вместе с тем и социальное звучание всей комедии.

Образ Федосьи Митрофановны значителен именно своей обобщенностью. Это последняя бабушка из Семигорья, последняя бабушка в СССР. Важны не отличительные индивидуальные, характерные черты, выделяющие ее из серии других бабушек (их в какой-то мере естественно привнесет в роль сама исполнительница), важны, наоборот, обобщающие, внутренние черты образа, т. е. мысли, чувства и желания, которыми живет каждая бабушка, важно ее отношение к окружающему. Такими обобщающими чертами, образующими характер бабушки и вытекающими из пьесы, мы считаем ее ум, властность, упрямство, настойчивость, огромный жизненный темперамент и, наконец, несомненную художественную одаренность, выражающуюся

не только в талантах бабушки, о которых говорится в пьесе, но и в умении тонко подметить характерную мелочь и образно ее передать. Все ее недостатки — от старого быта, который она олицетворяет и одной из жертв которого является, но она еще включится, как пример для всех последних бабушек, в строительство новой деревни. Было бы большой ошибкой, основываясь на нелестных характеристиках некоторых действующих лиц, показывать ее злой, корыстной ведьмой, польстившейся на свинку и теленочка.

Очень хорошо поясняет свой строптивый характер сама бабушка, говоря про себя: «Распалюсь, грешница, и не знаю, какие слова из меня сыпятся, будто кто качает из меня насосом брань да кулу...»

У бабушки крепкая жизненная целеустремленность, которую надо показать, чтобы была понятна внутренняя ее перестройка, явно намечающаяся в последнем акте.

Беднячка Федосья Митрофановна, несмотря на тяжелую борьбу за существование, сумела создать в своей избе, для немногочисленного круга близких людей кое-какое подобие жизни. Она держится за эту маленькую жизнь своей избы, где она полная хозяйка, и с крайним недоверием, которое вселила в нее ее невеселая прошлая жизнь, относится она ко всему, что посягает на эту жизнь, а следовательно, и к тому новому, что происходит в новой деревне. Она борется со всем пылом своего горячего темперамента не столько за себя, сколько за жизнь той избы, в которой она видит свою единственную радость и единственный смысл жизни. Это активное отношение к жизни, целеустремленность есть основные достоинства бабушки, ради которых за нее борются и Хозяинов, и Костычев, и Маркелов, старающиеся направить ее деятельность в сторону новой жизни. В том, что они не ошибаются, борясь за бабушку, порукой является Алёнушка, бабушкина дочь и точная копия ее характера, но уже иначе направленного.

Рядом с энергичной, решительной и темпераментной бабушкой Федосьей в пьесе выведен тихий, мечтательный и непрактичный дед Василий.

Этот живой свидетель и жертва безотрадного прошлого глубоко чувствует и приветствует приближение новой светлой жизни, искренно сокрушаясь, что по своим годам не может принять участие в ее строительстве наравне с молодыми, и радуется, как ребенок, тому,

что его «свадебная» в прошлом специальность вдруг оказывается нужной в новых условиях жизни.

Этот старый ребенок хорошо знает Федосью и, невзирая на ее причуды, самодурство, забалмошность, ценит и нежно любит ее: «Куда мне от тебя идти, безмен ты мой испытанной». Зрителю надо показать, что если последняя бабушка вступит в колхоз только в 5-м, еще не написанном автором акте пьесы, то последний дедушка уже с самого поднятия занавеса 1-го акта находится в колхозе.

Молодые Переходовы и Скрипицыны виновники и жертвы тех неведомых любовных ветров и бурь, которые по-старому проносятся над людьми, раскидывая их по сторонам и заставляя их страдать и в ворованные минуты свиданий, когда они берутся за ножи и дубины, и тогда, когда они поднимаются до истинной человечности, и когда их охватывает чувство отчаяния и злобы.

Вопрос о том, что это за люди, в чем их особенности и отличие, не интересует автора, не должен он интересовать и режиссера. Все они самые обыкновенные люди со свойственными им недостатками и достоинствами.

Не интересует автора и вопрос о том, почему один полюбил другого и разлюбил третьего; поэтому было бы неверным искать причины семейных разрывов в личных особенностях Ивана, Марьи, Петра, Орины. «Чем Марья лучше меня?» — спрашивает Орина у Петра, и тот отвечает: «Всем, всем лучше. Разлюбил — и конец!» Точно так же могли бы обменяться репликами Иван с Марьей.

Из того, что автор наделяет Ивана и Орину качествами прямоты, искренности и человечности, превосходящими те же качества у Марьи и Петра, видно, что автор отнюдь не хочет рассматривать это событие как обусловленное личными недостатками Ивана и Орины. Это событие введено автором в пьесу и интересует его постольку, поскольку оно позволяет проследить, как новые рядовые люди выходят из трудных бытовых положений, руководствуясь новыми запросами и живя в изменившихся бытовых условиях.

Эти две семьи, равно как и Аленушка с Ружейниковым, являются в пьесе представителями той активной колхозной массы, которая дружно и сообща строит свой новый быт. В игре исполнителей этих ролей важно показать, как неизбежно, порой мучительно зарождается новая мысль, новое отношение к окружающему, как старое борется с новым у тех, кто еще заражен старым бытом, и как легко, просто

и правильно разрешаются те же вопросы у тех, которые о старом быте знают только со слов бабушки да из старых песен.

Колька имеет тройное назначение в пьесе. Во-первых, он единственный в пьесе внук, без которого не было бы и бабушки, заглавной роли пьесы; во-вторых, он — обстоятельство, существенно усложняющее разрыв Марьи с Иваном, живое напоминание о том, с какой осторожностью, в интересах детей, надо разрешать вопросы браков и разрывов; в-третьих, он характеризует молодую колхозную поросль с ее новыми интересами, запросами, увлечениями, сулящими щедрый человеческий урожай.

Колхозная верхушка представлена в пьесе Маркеловым, Костычевым и Хозяиновым. Это те же живые, художественно обобщенные образы новой деревни, не наделенные автором никакими обязательными внешними характерными чертами. С этой стороны разница между ними разве только возрастная.

Хозяинов старше других. Это хозяйственный крестьянин, с добродушной хитрецей, говорящий, по определению Федосьи, «в прикуску и с подъезжалом» (единственная характерная черта, о которой упоминается в пьесе), практически и крепко понявший смысл и выгоду для колхозника сочетания личных и общественных интересов. Несмотря на неизжитые еще остатки собственнической, стяжательской психологии старого быта (сцена о ордере, с избой Орины в 4-м акте), видно, однако, что все это лишь отдаленный отзвук прошлого, от которого он решительно оторвался и идет в ногу со своим временем, используя и приспособляя свои хозяйственные навыки, свой хозяйский глазок на пользу новой коллективизированной деревни.

Костычев — в массе и с массой. Он деликом в колхозном быту, дела с колхозниками и труд, и досуг, и радости и печали. Ни одно событие не остается ему неизвестным. Он скромен, не лезет вперед, не навязывается, не поучает, не администрирует, но всюду и везде незаметно помогает и направляет. Его осторожное поведение в первом акте, его шутки во втором, его «поясок» в третьем — всегда рассчитаны, уместны, своевременны, как и его молчаливая, наблюдательная, регистрирующая роль в последнем акте. Исполнитель этой роли должен нести зрителю образ умного, скромного, но активного низового партийного работника, знающего массу, умеющего с ней органически слиться и направлять ее.

Маркелов — молодой еще годами, начальник политотдела МТС. Роль наиболее трудная по той ответственности, которую она несет перед зрителем. Маркелов олицетворяет собой неослабную связь партийных звеньев. В обстоятельствах пьесы это вождь в скромном обличьи рядового работника.

Он к каждому умеет подойти внимательно и по-человечески. Его все сразу считают своим, не исключая и подозрительной бабушки, которую он сумел быстро расположить к себе. Он никогда не суетится, не нервничает, обстоятельно всех выслушивает, но заставляет и себя слушать, когда это надо. Он во время поддержит человека, во время оборвет, и если опять-таки надо поступить круто — пойдет на это без колебаний; однако в его решительности нет и тени самовластья, голого администрирования. Его организованность, сосредоточенность, внимательность, вескость и правдивость его доводов невольно заставляют окружающих считаться с ним, вслушиваться в то, что он говорит. С другой стороны, простота его обращения, шутки привлекают к нему людей; в его присутствии все чувствуют себя будто покойнее.

Исполнителю этой роли будет трудно ее сыграть правильно (что совершенно необходимо), если остальные исполнители не будут все время поддерживать к нему необходимого отношения. Эту роль играют скорее окружающие, нежели сам исполнитель.

Гармонист Ефим Булавин как будто слитый в пьесе, тем не менее без этой фигуры представление в новой деревне было бы неполным. В этой фигуре театр должен показать те новые черты, которые приобрел старый, знакомый деревенский гармонист, и те изменения, которые претерпел этот тип в наше время.

Прежде всего, это уже не тот довосный озорник с гармонией, лодырь и пьяница, и не франтоватый, самовлюбленный кулацкий сыночек недавней деревни.

Ефим Булавин прежде всего — ударник на работе, а затем уже — балагур и веселый ухажер.

Особо примечательно его новое отношение к гармонии. Он в нее буквально влюблен, а через нее и в музыку. Он играет как зачарованный звуками и ритмами играемых песен. Гармония — инструмент его души, откликающийся на все события родной деревни, жизнью которой он живет наравно со всеми. Он художник, как бы несовершенно еще ни было пока его мастерство. Он баян новой колхозной

деревни, собиратель ее песен и живой проводник музыкальной культуры города. «Новой колхозной деревне и сказки надо, и песни надо», — говорит Хозяинов. Эту новую деревню нельзя себе представить без новых песен, которые играет Булавин и которые отражают новое отношение людей к жизни и к труду.

Вот почему гармонист в пьесе — значительная фигура, и почему автор дал этой немногословной роли даже имя и фамилию Ефима Булавина.

При распределении ролей режиссеру необходимо руководствоваться возрастными указаниями автора, беря их, впрочем, в предельном смысле и относительно. Нельзя, например, чтобы Иван, Марья, Петр, Орина выглядели моложе Аленушки и Ружейникова, которые по пьесе должны быть моложе всех взрослых действующих лиц.

Точно так же нельзя, чтобы Маркелов, Хозяинов и Костычев выглядели юношами.

Не рекомендуем мы также прибегать к большому гриму. За исключением Василия и Федосьи, которым нужны наклейки и парики, а также — некоторый возрастной грим, всем остальным достаточно наложить небольшое количество грима, чтобы при данном освещении сцены не казаться мертвенно-бледными.

III

Пьеса представляет для самодеятельных кружков несомненные трудности, но они могут быть легко преодолены вдумчивой, серьезной, учебной работой, на которую в настоящее время взят курс нашей художественной самодеятельностью.

Трудности предстоит и режиссеру, которому, кроме работы с исполнителями, необходимо организовать внутреннее движение сценического действия и внешнее передвижение действующих лиц на сценической площадке, т. е. мизансцены. Очень часто на сцене одновременно находятся и действуют несколько действующих лиц. Их надо умело, удобно и жизненно разместить, чтобы не было сутолоки и одни не мешали своим присутствием другим.

Мы рекомендуем, в качестве рабочего приема, определить каждому участнику такой сцены, одно, два, три основных места, которые он должен знать и менять по ходу действия. В дальнейшем, когда исполнитель освоится со сценической площадкой и со своим пребыва-

нием на ней, режиссеру легко будет, если понадобится, изменить или усложнить эти рабочие мизансцены.

Точно так же мы рекомендуем давать исполнителям на сцене какое-нибудь дело, работу, когда это допускают обстоятельства. Подобное занятие невольно сосредоточивает внимание исполнителя, организует, т. е. освобождает его мышцы и тем успокаивает его, давая возможность выйти нужное, творческое репетиционное состояние.

Нужно заметить, что мизансценирование шапного облегчается, когда исполнители уже освоились со своими ролями, т. е. знают, что они делают на сцене, какие мысли высказывают, определили свои взаимные отношения и могут просто и свободно вести между собой разговор по пьесе. Этого можно добиться как работой за столом, путем вдумчивого чтения текста, обстоятельно разъясняемого попутно, так и на свободных пробах (этюдах), когда исполнителям, усвоившим общее содержание той или иной сцены, предлагается ее разыграть, как им хочется, не заботясь ни о тексте, ни о ходе действия, указанном в пьесе (стараясь как можно меньше болтать лишних слов), чтобы все выходило как можно жизненнее, искреннее, правдивее.

Прежде чем приступить к мизансценированию, режиссер должен подумать о том, как он организует пространство сцены, площадку, на которой он будет затем размещать исполнителей.

Он должен установить, какие предметы, вещи, сооружения будут определять место действия или служить для обыгрывания исполнителей и где эти вещи и сооружения будут находиться.

IV

1-й акт пьесы более сложен, чем остальные, в смысле декорации, если точно следовать указаниям автора. Больше того, на обычно маленькой, низкой сцене деревенских театров вовсе невозможно поместить две указанные автором избы со слуховыми оконцами. Обойти эту трудность можно легко: изобразить на заднике сцены две нарисованные избы в натуральную величину, насколько они поместятся на сцене, с обыкновенными окнами, которые могут заменить слуховые.

Для этого акта, так же, как и для других актов, режиссеру нужно определить, что является необходимым в смысле декораций для игры, принимая во внимание интересы зрителей (которые хотят ви-

деть, где происходит действие) и исполнителей, которым надо создать удобные условия для игры.

Мы считаем, что для первого акта необходимо, во-первых, дать зрителю впечатление, что дело происходит на задворках. Задворки—художественный образ тех задворков жизни, где действующие лица хотят решить наболевшие бытовые вопросы и где они, как оказывается, решены быть не могут.

Эти задворки на фоне указанных изб можно изобразить системной плетней (изгородей), примыкающих к избам, как указано у автора, или как найдет более удобным режиссер. Сруб колодца и пенек (обрубок дерева) по бокам первого плана сцены усиливают впечатление зрителей и вместе с тем служат исполнителям для обыгрывания.

Во-вторых, для сцены Аленушки и Ружейникова и в особенности для сцены Марьи и Петра необходимо на сцене укромное место, не видимое из окон изб, но хорошо видимое зрителям. Скрыть это место можно деревьями и кустами, а чтобы сделать хорошо видимым зрителю, удобнее его поместить на середине сцены по второму плану.

В-третьих, по первому плану вдоль рампы, хотя бы с одной стороны, надо сделать проход перед изгородями, откуда будут приходить на сцену Ружейников, Хозяинов, Костычев, Булавин, Маркелов и куда будут убегать Ружейников, Марья, Аленушка.

В этом акте автор знакомит зрителя почти со всеми действующими лицами пьесы. Задача режиссера заключается в том, чтобы зритель понял, с кем он имеет дело, понял взаимоотношения этих действующих лиц и заинтересовался ими.

С другой стороны, в этом акте завязываются события пьесы, являющиеся содержанием (сюжетом) пьесы.

В этом смысле сцена подслушивания Федосьи и сцена, где уличенный Петр принужден сознаться, являются ударными, они должны быть поданы особенно отчетливо.

Сцена Ружейникова и Аленушки значительна для пьесы тем, что она должна показать, каким радостным и здоровым может и должно быть взаимное любовное влечение, когда оно возникает между свободными, новыми людьми, не тронутыми ядом капиталистической системы, с ее психологией ячества, собственности, деспотизма и ограниченности.

Заключительная спокойная сцена прихода Маркелова, сменяющая

предыдущие первые, порывистые сцены, как бы обрывает развертывающиеся события, усиливает интерес зрителя к последующим актам.

2-й акт. В описании избы Переходовых (2-й и 4-й акты) автор намеренно скуп, не желая отвлекать зрителя на мелочи, которыми не трудно загромождать это место действия.

Внимание режиссера должно быть сосредоточено на том, как удобнее разместить на сцене, ограниченной стенами избы, стол, лавки, табуреты, входную дверь, окна и печь, о которой упоминается в 4-м акте и которая удобна для мизансценирования, выгодно ломая обычный скучный четырехугольный павильон декорации избы.

В общем сцена должна представлять собою не богатую, но крепкую обыкновенную избы.

Из отдельных сцен этого акта особый интерес представляют собой две смежных сцены: сцена, где Иван решает добром отпустить Марию к Петру, и следующая сцена иного, непримиримого отношения к событию Орины.

На этих сценах автор показывает два пути, двух людей: Ивана и Орины. В то время как Oriна все еще питает надежды вернуть Петра какой бы то ни было ценой, Иван, в котором еще жив прежний мужик, собственник своей избы и своей жены, уже понимает, что «новую жизнь не обойдешь тропой», и преодолевает в себе ветхого человека, хотя и ценой глубоких страданий. К тому же, но иначе придет Oriна.

3-й акт. Убранство сцены этого акта подробно описано автором. Однако это не означает, что режиссер не может отступить от авторских указаний, сообразуясь с имеющейся в его распоряжении сценической площадкой, количеством исполнителей, которым он располагает в качестве присутствующих на празднике, кроме действующих в пьесе лиц, наконец, сообразуясь с материальными средствами, отпущенными ему на убранство сцены.

На сцене следует поставить скамейки как для сидения, так и для обыгрывания их присутствующими. Без входной двери, указанной в пьесе, можно легко обойтись.

Этот акт делится на две части. Первая часть — праздник, который можно использовать для показа местной художественной самодеятельности. В этом случае режиссеру необходимо как можно интереснее составить программу праздника, включив обязательно в эту программу премирование ударника Булавина.

Вторая часть начинается с выхода Орины. Этот выход выгодно сделать незаметным для присутствующих на сцене, наблюдающих за пляшущими, около которых образован круг (например, в глубине сцены, спинами к зрителю и к входящей Орине). Круг не распадается и тогда, когда отплясавшая, уставшая Марья выходит из него и встречается с Ориной. Присутствующие замечают их тогда только, когда Орина уже ранила Марью. Вся эта полная драматизма часть действия требует большой работы. Куски общего шума и крика то сменяются кусками пауз и шопота, то взволнованной речью Маркелова. Режиссеру необходимо здесь показать, как сочувствие присутствующих переходит со стороны на сторону, какую роль играют в этой сцене старики и старухи, пришедшие с Федосьей, как намечается разрыв в среде единодушной деревни и как решительно и твердо опять сплачивает колхозную массу Маркелов, резко обрывающий попытку Булавина смазать серьезность и значительность события.

4-й акт. Обстановка та же, что и во 2-м акте, только на стенах больше плакатов.

В первых сценах важно донести до зрителя реплики Орины и Федосьи, из которых явствует, что после 3-го акта прошло полгода. Сцена Орины с Федосьей очень важна как для той, так и для другой исполнительницы.

Федосья с изумлением и тревогой замечает, как хорошо знакомая ей «оринистая Орина» будто внутренне переродилась. Ее серьезность, сосредоточенность и вместе с тем бодрая уверенность в себе раздражают Федосью, но вскоре это раздражение переходит в неподдельный интерес. Рассказ Орины о вредителях и кулаках возбуждает у бабушки явное сочувствие: «о кулаках и злодеях я не спорю», — говорит она, подчеркивая, что в бытовых вопросах стоит на старой точке зрения, хотя по ее тону видно, что и сюда уже прокрадываются сомнения. Кончается сцена тем, что бабушка хватается за голову, восклицая: «Н-ну, Орина, ты и насидела ума за решеткой».

Этой сценой режиссеру надо показать, что именно здесь происходит тот решительный сдвиг последней бабушки, та ее поэтическая гибель, которая обуславливает и дальнейшую ее перестройку. Если это режиссеру не удалось бы показать, у зрителя могло бы остаться впечатление, что бабушку подкупил поросенок и что искренняя перестройка ее невозможна.

Этой сценой Федосья должна быть вышиблена со своих старых

неприступных позиций, так как в последующих сценах она уже не та, что в первых актах: задумывается, нервничает, обижается, шробует озорничать, хватая мужа за бороду, но видно, что это уж последнее ее озорство, озорство бессилья.

Сцены, начиная с выхода Ивана с компанией, представляют много рода трудности. В них мало действуют, — больше разговаривают. Поэтому этот разговор надо сделать интересным для зрителя, т. е. прежде всего оживленным, непринужденным, жизненным.

В качестве рабочего приема мы рекомендуем репетировать эти сцены так, чтобы все присутствующие были заняты каким-нибудь делом: например, придя с компанией Иван собирает на стол пить чай, рассказывает присутствующим, к ним присоединяются вновь входящие, и все ведут беседу за чаем. Одна бабушка не принимает участия в чаепитии, находясь на среднем плане, где-нибудь около печки.

Когда сцены будут разучены, т. е. разговор будет идти легко и непринужденно, и все необходимые по пьесе переходы действующих лиц будут делаться лишь по мере действительной надобности и вполне оправданию, режиссеру легко будет усложнить мизансцены или дать всем этим сценам другое, более интересное разрешение.

Очень важна заключительная сцена пьесы, когда бабушка после долгих колебаний подсаживается к присутствующим со словами: «Видно телегу повернуло с проселка на большую дорогу».

Ю л. Ю р ь е в

Разрешена Главреперткомом
лит. Г № 4434/Н от 20/І-34 г.

Отв. редактор В. Полянская
Техн. редактор К. Полонская
Корректор Л. Боткина
Обложка Н. Шишловского

Сдано в набор 21/ІІ-34 г.
Подп. к печати 15/ІV-34 г.

ОГИЗ 44 X-83 Тираж 30000
Зак. 660 Форм. бум. 72×110¹/₃₂
2½ печ. листа по 65700 зн. в листе
Уполномоч. Главлита № Б—35561

*ЧИТАТЕЛЬ И РАБОТНИК ТЕАТРА,
сообщите ваш отзыв об этой пьесе,
указав ваш возраст
и вашу профессию
по адресу:*

*Москва—Центр, ул. 25 Октября, 10/2.
Государственное издательство
художественной литературы
массовый сектор.*

*Адрес автора: Москва, Тверской
бульвар, д. 25, кв. 8.*